
Ш. БАЙГИЛЬДИН
ШЛИ ЮНГИ В БОЙ

14.11.91

19.11.91

Ш. БАЙГИЛЬДИН

ШЛИ ЮНГИ В БОЙ

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

ББК 68.65
Б18

Байгильдин Ш. Х.

Б18 Шли юнги в бой.— Казань: Татарское кн. изд-во, 1991.— 112 с.
ISBN 5—298—00656—6

Книга посвящена отважным и храбрым мальчишкам военной поры, нашим землякам — питомцам школы юнг Северного флота и их работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи.
Адресуется широкому кругу читателей.

Б $\frac{1305010000—087}{М132(03)—91}$ 8—91 **ББК 68.65**

ISBN 5—298—00656—6

ЮНГИ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

(Вместо предисловия)

Юнга! От этого слова веет солоноватым ветром моря, романтикой дальних странствий. На флотском языке смысл его гораздо прозаичнее. Оно означает — подросток, готовящийся стать моряком. Вместе с бывалыми матросами осваивает он морское дело, преодолевает все тяготы походной жизни, готовится пойти навстречу любым опасностям. На военно-морском флоте юнги служили всегда. Многие видные флотоводцы России начинали свой путь с этого скромного звания. Прошли его и советские адмиралы. Среди них — И. С. Юмашев, Н. Е. Басистый, Г. И. Левченко, В. П. Алексеев.

Какой подросток не мечтает оказаться в этом ранге! Для поколения мальчишек Великой Отечественной войны мечта стать моряком стала реальной, когда по инициативе ЦК ВЛКСМ приказом наркома Военно-Морского флота 25 мая 1942 года была создана школа юнг на Соловецких островах в Заполярье. Школа эта стала, пожалуй, единственной возможностью для несовершеннолетних попасть на фронт. В те годы тысячи ребят «штурмовали» военкоматы, чтобы попасть туда.

Отбор юнг был строг: требовались крепкое здоровье, отличная характеристика и обязательное согласие родителей. Отцов дома не было. Они воевали. С матерями же договориться стоило огромных сил и ухищрений. Иные уезжали тайком, известив родных письмом уже с дороги.

В июле 1942 года от казанской пристани отошел пароход, на борту которого было более ста юнцов. Путь их лежал по Волге, Мариинской системе, Беломоро-Балтийскому каналу на Соловецкие острова. Первому набору пришлось нелегко. В условиях сурового края под открытым небом строили они свою школу — рыли котлованы для землянок, учебных классов, клуба, столовой. А почва — как кремень: в нее буквально вгрызались ломами, лопатами. Валили лес, корчевали пни, ворочали камни-валуны. А над головами то и дело появлялись фашистские самолеты.

И юнги как полноправные бойцы по боевой и воздушной тревоге прочесывали леса, тушили пожары, несли охрану военных объектов.

К концу сентября землянки — кубрики, столовая, клуб, учебные классы были построены. И начался первый учебный год. Испытывали немалые трудности, но никто не хныкал, не просил скидки на молодость: мальчишки воспитывали в себе морской характер. И вот в канун 25-й годовщины Великого Октября в свои неполные шестнадцать лет юнги приняли военную присягу. Дали клятву отдать все свои силы, а если понадобится — и жизнь, за свободу и независимость Родины. В ту пору и появились стихи поэта Л. Вахрамеева:

Соловецкие юнги, наши мальчишки юные,
Ваши плечи, по-детски худые и узкие.
Заслонили просторы родной нам России.
Будьте вечно героями!
Будьте ж вечно живыми!

За три учебных года школу юнг окончили более четырех с половиной тысяч подростков. Многим из них довелось участвовать в боях. Они сражались с врагом на Севере, Черном море, Тихом океане. Сражались без страха. Их уважали, любили за верность, мужество, храбрость. О подвигах юнг писали газеты. Немало боевых подвигов было и на счету юнг из нашей республики. Кто они, эти герои?

Почти целых три десятилетия после войны мало кто вспоминал о юнгах. Толчком к организации поиска их явился известный кинофильм «Юнга Северного флота». В канун 30-летия Великой Победы повсюду в стране стали создаваться советы ветеранов-юнг, музеи их боевой славы. Была организована секция ветеранов-юнг и в Казани — на базе музея средней школы № 94. На многих встречах с бывшими юнгами довелось побывать автору этой книги, журналисту Шарифу Байгильдину (кстати, бывшему старшине первой статьи Тихоокеанского флота, участнику Великой Отечественной войны). Первым, кто ознакомился с его книгой в рукописи, был капитан первого ранга в отставке, бывший комиссар Соловецкой школы юнг, ныне председатель президиума совета ветеранов этой школы С. Шахов, проживающий в Ленинграде. Он дал такой отзыв: «Очень нужная книга. Мне часто приходится выступать перед подростками, и не припомню случая, чтобы они слушали меня равнодушно, когда я рассказывал им о боевых подвигах юнг, откуда бы они ни были родом. А иногда же приходит-

ся слышать и такое: «А нужно ли говорить детям о войне?» Скажем, о тех же юнгах. В самом деле, неокрепшие души, неокрепшие руки, сжимавшие автомат или гранату! Да, но ведь народная война против фашистских захватчиков не обошла стороной и подростков. Вспоминаю, сколько было рапортов, устных просьб мальчишек скорее послать их на боевые корабли, даже было несколько попыток самовольно убежать из школы юнг на фронт. Все это говорит о высоком патриотизме, который мы должны воспитывать в наших детях. Вот почему книга Ш. Байгильдина имеет исключительно важное значение в этом отношении».

Итак, вниманию читателей предлагается книга о юнгах военных лет, о том, какой ценой они добивались победы в сражениях с врагом. Опубликованные здесь стихи и песни написаны ими. Уже спустя много лет.

Ф. Манасыпов,
член Союза журналистов СССР

МЫ ЮНГИ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

Мы юнги Северного флота
Мы дружбой связаны морской.
И мотористы с мотобота,
С эсминца боцман, рулевой.

В войну шагнули мы из детства
В ней наша молодость прошла.
В боях дрались не за наследство
За страну родную, ее дела.

На всех морях мы воевали
Дрались с отвагою в сердцах.
В боях нигде не отступали
В Берлин вошли на катерах.

Но как много юнг отважных
Осталось в темной глубине,
Среди десантников бесстрашных
Они покоятся в земле.

ИМЕНИ САШИ КОВАЛЕВА

Однажды на сборе пионеры четвертого класса «В» казанской средней школы № 94 заговорили о присвоении их отряду имени одного из героев Великой Отечественной войны.

— Давайте этот вопрос обсудим,— предложила учительница К. В. Маевская,— когда вы прочитаете книги о героях Великой Отечественной войны. Согласны?

И вот ребята вновь собрались. Каждый из них назвал имя героя. На стол Клары Васильевны легли десять портретов с короткими текстами.

— Что же, будем решать,— сказала она, взяв первый снимок.

Оглядела класс и стала читать. От волнения ее голос срывался, но этого никто не заметил: всех взволновал подвиг юного партизана, спасшего товарищей ценой своей жизни. Один за другим подходили к столу пионеры, вместе с

учительницей читали о том, как их сверстники бесстрашно защищали Родину, мстили врагу за смерть отца ли, брата. В классе будто запахло порохом, послышался гул боя.

— Неужели они ничего не боялись? — спросила одна из девочек.

— Наверное, боялись. Но ведь им нужно было выполнять задание.

— Правильно,— согласно кивнула Клара Васильевна.— Страх возникает у каждого, когда идешь на опасное задание. Но дело в том, что юные герои очень любили свою Родину, свой народ, родных, своих братишек, сестренок и ненавидели фашистов. Поэтому они смело выполняли приказ. Это и называется подвигом. Давайте решим, чье имя должен носить наш отряд?

— Юнги Северного флота Саши Ковалева,— предложил вдруг Алексей Колпаков. На этом остановились. Но пионерскому отряду еще предстояло завоевать право носить имя юнги. На следующий день ребята написали письмо в Североморск. Скоро оттуда пришел ответ: «Здравствуйте, дорогие ребята! Пишут вам краеведы Дома пионеров города Североморска. В наш адрес приходит много писем от красных следопытов с просьбой рассказать о подвиге Саши Ковалева. Поэтому мы решили отпечатать листовки, одну из которых высылаем вам. Напишите нам о своих поисковых делах. Наверное, бывшие юнги живут и в вашем городе. Найдите их, организуйте встречу. Краеведы Североморска. 12 декабря 1974 года».

Листовка называлась «Морской орленок». Ее вывесили на видном месте, чтобы и другие читали. Самое важное ребята записали в отрядном альбоме: «Родился Саша Ковалев 4 января 1927 года в Москве. Отец — инженер, мать — врач. Школу юнг ВМФ окончил с отличием по специальности моториста, и ему была предоставлена как отличнику право выбора действующего флота. Саша попросился на Северный. Боевое крещение получил в ночь с 6 на 7 апреля 1944 года. Два наших торпедных катера встретили в море конвой противника, атаковали его и потопили два крупных транспорта. Корабли охранения врага открыли сильный артиллерийский огонь. Как писала флотская газета «Краснофлотец», один из самых молодых бойцов, комсомолец юнга Саша Ковалев, стоя рядом с командиром, хладнокровно и спокойно докладывал ему о направлении трасс артогня и падении вражеских снарядов. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, Александр Ковалев был награжден орденом Красной Звезды. После этого боя

Саша написал письмо родным: «Здравствуйте, дорогие мои! Спешу сообщить, что я жив и здоров. Обещал написать через два дня (если, конечно, вы получили мое предыдущее письмо). Счастлив я, что моя мечта — отомстить за страдания, за все, что причинила нам война — сбылась. Подробно писать не могу, но скажу, что фрицам здорово досталось. Как вы живете, я приблизительно знаю после встречи с отцом. Получили ли карточку, где я сфотографирован вместе с ним? Как моя дорогая сестренка? Как ее учеба? Сейчас, как никогда, хотелось бы получить от вас письмо. Жду его с нетерпением. Целую вас всех крепко-крепко. Ваш Шурик. 8.04.44.».

Это было последнее письмо от Саши. Через два дня катер Саши снова вышел в море с задачей высадить наших разведчиков на вражеский берег. И эта операция была успешно выполнена. А на груди у юнги появилась вторая награда — медаль Ушакова. Вскоре Саша вновь участвовал в боевой операции. Два торпедных катера под командованием старшего лейтенанта Анатолия Кисова 8 мая 1944 года вышли на перехват конвоя. В составе отряда был и катер ТКА-217. Советские моряки потопили два вражеских сторожевика, но сильное повреждение получил и ТКА-217. Катер старшего лейтенанта А. Кисова подошел к нему под сильным огнем противника и, сняв экипаж, стал уходить. Вражеские сторожевики преследовали одинокий катер, стреляли из пулеметов и пушек. Вдруг взрыв потряс корабль — Сашу отбросило в угол, он потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел, что старшина мотористов убит; вскочил на ноги. Вдруг обожгло руку — это из пробоины выхлопного коллектора хлестала струя горячей воды. Что же делать? Уйдет вода — и мотор может взорваться! Катер станет мишенью для противников, погибнут все. Нет, нельзя допустить этого, и он грудью лег на пробоину...

...С того дня, дня получения письма из Североморска, К. В. Маевская стала организатором патриотического воспитания учащихся своего класса и поиска ветеранов-юнг. Начинание горячо поддержал директор школы Иосиф Маркович Найшуллер, участник Сталинградской битвы. Судьба самой Клары Васильевны оказалась в чем-то схожей с судьбой юнг. Как только началась война, она, только что окончившая девять классов, пошла работать на завод, где ей вместе с другими сверстниками доверили упаковку снарядов. В холоде и голоде прошла первая военная зима. Вместе с Кларой трудились сотни девушек, которые изо всех сил старались быстрее и лучше выполнить заказы

фронта. Когда летом 1942 года объявили комсомольский призыв в армию, Клара одной из первых записалась добровольцем.

— Попрощалась с мамой, со слезами оставшейся одна,— вспоминает Клара Васильевна.— Привезли нас в город Подольск, одели в военную форму: кирзовые сапоги, гимнастерки, юбки. Начались строевые занятия, изучение оружия, учебные стрельбы. После боевой подготовки, как и положено, приняли военную присягу.

Так семнадцатилетняя Клара Маевская стала прожектористом зенитной батареи и была направлена на позиции, что в районе подмосковного села Кленовы. Подруги избрали ее своим комсоргом. Днем проводила собрания, собирала взносы, организовывала громкую читку сообщений с фронта. А ночью уходила на боевой пост, чтобы лучом прожектора преградить вражеским бомбардировщикам путь к Москве. По сигналу расчета звукоуловителей она включала прожектор, направляя луч в сторону предполагаемого самолета. Тотчас к ней подключались и другие прожекторы, и так они вели самолет противника, пока его не сбивали наши зенитчики. До самого конца войны охраняла Клара с подругами небо над столицей нашей Родины. Вернувшись в Казань, пошла работать на свой завод, поступила в вечернюю школу, после окончания ее стала студенткой Казанского педагогического института. И более двадцати лет работала в школе № 94, отдавая все силы и знания детям, их воспитанию.

— Все военкоматы города мы обошли с ребятами, «атаковали» «Горсправку», ходили по многим адресам, месили грязь в районах новостроек,— рассказывает Клара Васильевна об истории поиска ветеранов Соловецкой школы юнг,— писали во все концы страны письма.

Первым ребята нашли адрес бывшего юнги Ибрагима Валиуллина и поспешили к нему домой. В первый раз его не застали, встретила ребята супруга ветерана Фатыма Шамсутдиновна, показала им альбом с марками, коллекцию значков. Но больше всего ребят восхитил макет отлично сделанного торпедного катера. В следующий раз, когда хозяин оказался дома, пионеры сполна удовлетворили свое любопытство, дотошно расспросив его о классах боевых судов...

Николай Петрович Усов, бывший тихоокеанец, с улыбкой рассказал мне, как познакомился с пионерами 94-й школы.

— Однажды только вернулся домой из командировки, слышу, звонят. Открываю дверь, а там, на лестничной площадке, десятка два ребят в красных галстуках. И учительница с ними. Удивился, спрашиваю: «Вам кого?»

— Здравствуйте! Вы — бывший юнга Николай Петрович Усов?

Смотрят с такой надеждой, что невольно волнение меня охватило.

— Да, я был юнгой,— отвечаю.— Учился на Соловецких...

Они не дали мне договорить, закричали хором: «Ура! Еще одного юнгу нашли!»

Пригласил их в квартиру, кое-как рассадил, и сразу же ребята взяли меня в оборот: есть ли фотографии, документы тех лет, кого из юнг знаю, с кем переписываюсь... Так они взяли меня в «плен», с тех пор не расстаюсь с ними.

Не менее волнующей вышла встреча ребят с другим ветераном, юнгой В. З. Байкиным. Потом разыскали Юрия Городецкого и других. С волнением готовили пионеры школы № 94 первую встречу ветеранов-юнг. Я хорошо помню ее, она состоялась в канун 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Бывшие юнги не скрывали слез радости от встречи друг с другом спустя столько лет. Воспоминаниям не было конца. До глубины души ветеранов растрогала торжественность, доброжелательность хозяев (пионеров, учителей, директора школы), яркие букеты цветов, которые вручали каждому гостю еще на улице. Был выстроен почетный караул. Проходя по коридору, где мальчики и девочки застыли в пионерском салюте, ветераны смущенно улыбались. Потом их усадили за большой стол, на котором стояли чашки с горячим чаем, цветы. Вниманию гостей предложили концерт школьной художественной самодеятельности. Лихо ребята сплясали «яблочко», исполнили любимые песни моряков «Варяг», «Вечер на рейде» и другие. Ветераны вспомнили о том, как их они пели сами, собираясь в свободное от вахты время на юте перед дальним походом, уходя в бой. И сейчас они присоединили свои голоса к звонким голосам ребят, подхватывая каждую песню. Помолодели лица фронтовиков, лучисто заблестели глаза. Потом во всех классах начался урок мира и мужества, гости рассказывали учащимся о трудных годах войны, о боевом пути юнг Северного флота.

Так началась дружба ветеранов-юнг с пионерами отряда имени юнги Саши Ковалева казанской школы № 94, продолжающаяся и по сей день. Постепенно пополнялся

фонд музея боевой славы юнг новыми документами, фотографиями, личными вещами, боевыми реликвиями. В отрядном журнале ребята записали: «Наши взрослые друзья! К маю 1975 года мы разыскали 35 бывших юнг. В канун праздника Победы состоялся первый сбор казанских юнг. Пришли 28 человек. Это была волнующая встреча. Мы, пионеры, сделаем все, чтобы наши друзья чувствовали себя у нас как дома». В отряд почетными пионерами были приняты ветераны-юнги Ю. М. Андромонов, Ю. И. Анкудинов, В. З. Байкин, А. М. Балабанов, А. И. Ваганов, М. А. Валидов, И. Х. Валиуллин и другие. Все последующие годы пионеры отряда вели обширную переписку. И каждый полученный ответ для них был большим событием, его читали перед всем классом, обсуждали, писали вместе ответ. Однажды ребята получили письмо из Пестречинского района: «Мы, пионеры отряда имени юнги Саши Ковалева, учимся в Читинской школе. О вас мы слышали много интересного, читали заметки в газетах. Мы хотели бы узнать побольше о Саше Ковалеве. Пришлите, пожалуйста, его фотографию и другие материалы о нем». Еще больше обрадовало пионеров следующее письмо: «Здравствуйте, уважаемые четвероклассники 94-й школы города Казани! Наша дружина тоже носит имя отважного Саши Ковалева. Мы проживаем в порту Лиинахамари на берегу Баренцова моря, в котором погиб Саша. В год раз мы ходим на военных кораблях на место гибели Саши Ковалева и возлагаем венки. Такой чести удостаиваются лучшие пионеры. У нас, на Севере, много школ носит имя Саши Ковалева. В Мурманске пионеры 33-й школы переписывались с мамой Саши. Вы, наверное, смотрели фильм «Юнга Северного флота», в нем упоминаются Девкина Заводь (так называется наш залив) и порт Лиинахамари, куда Сашин торпедный катер ходил на боевое задание. Еще есть песня про Сашу Ковалева, она стала нашей дружинной песней. Мы прочитали в журнале «Пионер», что вы разыскиваете бывших юнг, которые учились вместе с Сашей. Просим прислать несколько адресов. Если надо в чем-то помочь, напишите нам по адресу: 184412, г. Мурманск, п. Лиинахамари, школа № 8. С пионерским приветом красные следопыты отряда «Буревестник».

Вот еще запись из журнала пионеров 94-й школы: «Встреча с комиссаром школы юнг С. С. Шаховым. В сентябре была удивительная встреча нашего отряда с юнгами-ветеранами и комиссаром школы юнг Северного флота Сергеем Сергеевичем Шаховым. Он рассказал о Саше Кова-

леве, о жизни юнг, их боевых делах. Назвав нас ковалевцами, Сергей Сергеевич призвал нас быть достойными этого имени. Он подарил нам свой портрет с автографом, книгу о боевых действиях катерников Северного флота в годы войны. На встречу пришли тридцать наших ветеранов, многим из которых были вручены дипломы и медали «Юнги-ветераны Великой Отечественной войны».

Я был на этой памятной встрече. Сергей Сергеевич, приехавший в Казань отдыхать в санаторий «Казанский», в школу пришел в сопровождении группы бывших юнг во главе с председателем казанской секции В. Байкиным. Ребята много дней готовились к этой встрече. С образом комиссара они познакомились, посмотрев фильм «Юнга Северного флота». Отряд имени юнги Саши Ковалева на этот фильм ходил четыре раза! В зал боевой славы, где выстроилась дружина, ветераны-юнги торжественно внесли Военно-морской флаг. После рапортов звеньевых, командиров пионерских отрядов, слово предоставили С. С. Шахову.

— Я очень рад,— сказал Сергей Сергеевич,— что в стране появился еще один отряд имени юнги-героя Саши Ковалева. Спасибо вам и за то, что проделали огромную патриотическую работу — разыскали, собрали здесь бывших юнг, наших юных защитников Отечества, ставших ныне инженерами, учителями, конструкторами, строителями. Это большое счастье — вот так собраться спустя столько десятилетий после жестокой войны. Многие пали смертью храбрых, не успев стать взрослыми.

Стремителен бег времени. Уже около сорока пяти лет прошло с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Бывшим юнгам уже более шестидесяти. Время посеребрило их головы. Все они — уважаемые люди, являются примером для молодежи. Примером, достойным подражания. Будьте же, ребята, верны боевым традициям отцов и дедов, будьте всегда готовы отдать все силы, а если потребуется, то и жизнь, за счастье советского народа, так, как это делали мальчишки военных лет!

Сергей Сергеевич передохнул, взял со стола небольшую коробочку, бережно открыл ее.

— Это священная земля соловецкая, где учились юнги. Храните ее в вашем музее, пусть она напоминает вам о подвиге мальчишек сороковых годов. Среди юнг школы Северного флота не было не только двоечников, но и троечников. Большинство из них сдали выпускные экзамены только на «отлично». Берите с них пример. И прежде всего с Саши Ковалева.

Шли годы, росли и пионеры отряда имени юнги Саши Ковалева, переходили из класса в класс. Но жар следопытского поиска по-прежнему не остывал в их душах. Ежегодно они заранее начинали готовиться к встрече в День Победы с юнгами-ветеранами. По каждому из известных ребятам адресов уходила красочная открытка: «Дорогой друг! Приглашаем Вас и Вашу семью принять участие в традиционной встрече ветеранов-юнг ВМФ совместно с отрядом имени юнги Саши Ковалева школы № 94 в честь Дня Победы. Встреча состоится по адресу: г. Казань, ул. Ш. Усманова, 14». С букетами цветов, пионерским салютом встречали ребята своих старших товарищей. И каждый раз на встречу приходили и незнакомые до этого люди. За минувшие годы ребята разыскали еще семнадцать ветеранов-юнг, заново оформили зал боевой славы. Теперь сюда уже приходят на экскурсию пионеры из многих других школ Казани и Татарии, проводятся семинары завучей, организаторов воспитательной работы. С начала своей деятельности пионерский отряд имени юнги Саши Ковалева провел уже пятнадцать встреч с ветеранами-юнгами.

...Остались позади пятый, шестой, седьмой классы, ребята шагнули в восьмой, пионерские галстуки сменили на комсомольские значки. И вот последний раз собрались вместе с ветеранами в зале боевой славы. Теперь рядом с ними стояли и юные пионеры четвертого «А» класса во главе с учительницей Г. С. Колосовой. Пришла пора передать юнговскую эстафету младшим. Взволнованы восьмиклассники, ведь трудно расставаться с полюбившимся делом, которому отдано много сил, времени и сердца. Звучат пионерские горны, под барабанный бой вносятся пионерские знамена. Военно-морской флаг несут ветераны-юнги Ю. Городецкий, Р. Васильев и Б. Жарков. Звучит рапорт председателя совета отряда имени юнги Саши Ковалева Лилии Пьяновой: «Ковалевцы восьмого «В» построены по случаю передачи эстафеты поисковой работы пионерам четвертого «А». С волнением снимают с себя восьмиклассники синие матросские воротнички, бескозырки с ленточками, на которых выведены золотом гордые слова «Военно-Морской Флот». После напутственных слов ветераны-юнги передают их юным пионерам, помогают надеть атрибуты морской формы.

После окончания церемонии все расселись по стульям, освободив центр зала, и звонкий голос объявил:

— Группа четвероклассников исполнит матросскую пляску!

На середину зала вышли четверо юных ковалевцев и под звуки гитары старательно стали отбивать чечетку. Им долго аплодировали. Понравились и другие концертные номера. Вместе с ветеранами аплодировали и восьмиклассники — первопроходцы поиска ветеранов-юнг Северного флота.

Спустя восемь лет, летом 1985 года, мы с Кларой Васильевной вновь собрали пионеров-зачинателей ковалевского движения. Это было нетрудно потому, что все они не забывали свою первую учительницу, часто звонили, справлялись о ее здоровье, приходили в гости во Дворец Урицкого, где она работала после ухода на пенсию. В одном из просторных помещений Дворца собрались около двух десятков юношей и девушек. Смотрю на них не без растерянности: узнаю и не узнаю ребят, так они возмужали, повзрослели. Вот Жанна Еникеева, теперь заканчивает инженерный факультет КХТИ; Светлана Логинова, которая станет экономистом; Ольга Макарова — геологом; Лилия Иванова — инженером-строителем; Владимир Черевин, скрипач, организатор школьной художественной самодеятельности, заканчивает уже химический факультет; Андрей Логашин, Адель Акчурин, Валерий Мустафин — физический факультет КГУ; Алексей Колпаков учится на биологическом, входит в сборную КГУ по волейболу. Многие уже замужем, женаты. Когда улеглось первое возбуждение от встречи, кто-то предложил: «Давайте сначала споем наши любимые песни!» И первым запел: «Прощайте, скалистые горы...» Все, в том числе и Клара Васильевна, дружно подхватили. А потом был оживленный разговор. Перебивая, дополняя друг друга, вспоминали наиболее интересные эпизоды поиска, встречи с ветеранами.

На сбор во Дворце культуры не смог прийти бывший барабанщик Марсель Нурутдинов — служит на Тихоокеанском флоте, и Лена Патрикеева — уехала после окончания речного техникума в Ригу по направлению. Там ее избрали заместителем секретаря комсомола порта.

— Во! Знай наших! — воскликнул кто-то.

— А помните, как в гостиницу к Сергею Сергеевичу ходили?

— Конечно,— откликнулся Александр Васютин, пятикурсник авиационного института.— Мы вот с ним, Володей Ширяевым, были у него. Приглашаем его в школу на встречу с ветеранами-юнгами, а он говорит, что у него с собой нет парадного костюма. «А вы потерпите недельку? — спрашивает.— Я по почте костюм затребую». И через неде-

лю он в школу явился в полном параде, с орденами и медалями на груди.

Клара Васильевна слушала и угощала своих гостей ароматным чаем, пирожками, конфетами, счастливо улыбалась. Напоследок я сфотографировал ковалевцев, зачинателей поисковой работы, основателей музея боевой славы юнг школы № 94. Покажу снимок через десять лет. Интересно, какими предстанут они к той встрече?

В школе эстафету, начатую питомцами К. В. Маевской, продолжают их последователи. Ежегодно ветераны-юнги получают по праздникам приглашения пионеров отряда Саши Ковалева, проводят уроки мужества и мира, новыми экспонатами пополняется музей боевой славы. Однажды по просьбе Московского районо и горкома ВЛКСМ в школе был организован семинар по обмену опытом патриотической работы. Интересно составленная учительницей Г. С. Колосовой программа никого не оставила равнодушным: перед собравшимися выступили ветераны-юнги, пионеры продемонстрировали знание сигнального дела; бывший юнга Р. А. Васильев рассказал о том, что приобретенные знания в школе юнг пригодились в его работе в качестве авиатора-конструктора. Был содержательным и доклад организатора внеклассной работы в школе № 94 Л. А. Тихоновой. Она главное внимание уделила дружбе пионеров имени юнги Саши Ковалева с ветеранами-юнгами, привела ряд примеров.

Так, бывший моторист торпедного катера Краснознаменного Балтийского флота Р. А. Васильев дружит с Эдиком Овчинниковым, который находится на попечении бабушки. Семья юнги Г. В. Евсеева дружит с Ладой Давыдовой и ее родителями. Пионеры отряда имени Ковалева переписываются с бывшим юнгой Александром Сотосовым, который живет в Волгограде. Еще один юнга-казанец Б. А. Костин отыскался в Свердловске. Он, оказывается, раньше учился в 94-й школе. Его письмо читали всем классом. Уже новое пополнение ребят переживает радость встречи со старшими, ощущает, постигает великое чувство, называемое любовью к Родине. Надолго в сердцах и ребят, и взрослых остался, например, день, когда ветераны спустя многие годы после расставания с родными кораблями вновь услышали звон склянок! Это произошло во время большого сбора в честь Дня Победы. Придя в школу, ветераны-юнги увидели флаги расцвечивания, которыми был украшен школьный двор. В самом центре высилась мачта, вокруг которой выстроились отряды 4—7 классов. И вот из зала

боевой славы лучшие ученики торжественно вынесли настоящую корабельную рынду (небольшой колокол), надраенную до блеска, аккуратно укрепили ее на рее. И ровно в 12.00 раздались мелодичные звуки склянок. Одновременно раздалась команда: «На флаг смирно! Флаг поднять!»

Застыл строй ветеранов, строй пионеров. Надо было видеть, с каким волнением следили все, как медленно поднимается ввысь бело-голубое полотнище Военно-Морского Флота с изображением красной звезды и серпа с молотом. Вот оно расправилось и затрепетало на ветру. А над ним, в ярко-синем небе, плыли караваны белых облаков. И ветеранам-морякам на миг почудилось, что они стоят на борту большого корабля, который мчится по волнам. Пионеры запели:

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море...

Под этим флагом приняли присягу... Со временем у ребят отряда все больше крепло желание самим побывать на местах, где учились их старшие товарищи, где они клялись крепко биться с врагом. Право войти в состав делегации надо было завоевать хорошей учебой, активной общественной работой. И вот в июне 1982 года эта волнующая поездка на Соловецкие острова состоялась. После возвращения ребята, перебивая друг друга, возбужденно и радостно рассказывали:

— И вот поезд тронулся. Мы прильнули к окнам: поплыли мимо нас река Казанка, дома... Мы впервые уезжали без мам и пап, и нам как-то стало грустно! А представьте себе, как в тяжелый год войны уезжали на фронт наши юнги-ветераны, оставив мам и пап, братьев и сестер, бабушек. Ведь они уезжали не на две недели, как мы, а на войну, многие из ребят не вернулись домой.

Проснулись мы уже в Москве, а на другое утро оказались в Архангельске. Нас встретил высокий мужчина. «Вы, ребята, из Казани? Давайте знакомиться, меня зовут Василием Павловичем, я профорг мореходного училища. Совет ветеранов архангельских юнг поручил мне встретить вас». Там мы увидели Северную Двину, широкую, со свинцовыми волнами. На Соловки перелетели на самолете АН-24. Летели и пели песни «Картошка», «Экипаж — одна семья» и другие. Разместились в гостинице, сходили на экскурсию в Соловецкий кремль, а в Саватеево, где учились юнги, попасть никак не могли. Наконец уговорили водите-

ля одной бортовой машины, который пожалел нас и после работы повез в Саватеево,— благо стояли белые ночи.

Побывали мы на местах, где были землянки юнг, столовая; там теперь одни котлованы, заросшие травой. Обнаружили бутылку, подвешенную на деревце. А в ней записка с адресами для тех, кто разыскивает юнг. Мы тоже вложили свою: «Мы, казанская группа из школы № 94, были на этом месте. Приветствуем всех, кто побывает здесь». Потом поднялись на Секирную гору, куда любили ходить и юнги: кругом лес, кукуют кукушки, как будто ничего здесь не происходило. Потом долго стояли у памятника юнгам, павшим в бою, сфотографировались. Вернулись в Архангельск, посетили школу № 11, где создан первый музей истории юнг. Каждому из нас там вручили сувенир — тетрадь, куда мы переписали стихи бывших юнг, бережно хранящиеся в музее. Мы гордимся их подвигом, их мужеством, отвагой, чтим память о павших.

На днях мы получили письмо из Архангельска, в конверт вложена газета «Рыбак Севера». В ней опубликована заметка, написанная нашими пионерами. Газета прошла по рукам, все с интересом читали заметку под заголовком «Спасибо за радушие», в которой говорилось: «Мы, члены группы «Поиск» школы № 94 города Казани, собираем материалы о юнгах Северного флота. И вот наша мечта осуществилась: мы ступили на землю Соловецких островов и словно бы окунулись в ту атмосферу, которая окружала юных моряков. Эта северная поездка надолго запомнится нам. Большое спасибо мы говорим тем, кто радушно принял нас на архангельской земле.

Члены группы «Поиск».

В тот, 1982-й, год в жизни пионеров отряда имени Ковалева произошло еще одно важное событие: вскоре после приезда из Соловков они торжественно проводили туда большую группу ветеранов-юнг, которые впервые уезжали на встречу со своей боевой юностью. И с нетерпением стали ждать их возвращения, и на одной из встреч слушали их рассказы.

...Ранним октябрьским утром 1982 года к Соловецким островам приближался старенький теплоход «Буковина». Нетерпеливые пассажиры толпились на шкафуте, многие направились на бак выполнять роль добровольных впередсмотрящих, которые вглядывались в туманную даль. А пассажирами теплохода на этот раз были бывшие воспитанники школы юнг Северного флота, возвращавшиеся на

остров после долгих лет разлуки с ним на всесоюзную встречу, организованную ЦК ВЛКСМ и советом ветеранов Соловецкой школы юнг ВМФ в честь 40-летия создания этого уникального учебного заведения. Когда до берега оставалось всего несколько кабельтовых, ветераны бережно опустили в воду огромный венок, тем самым почтили память павших в боях за родину однокашников. Теплоход отсалютовал героям протяжным, тоскливым гудком. Туман рассеялся, показались родные берега, а на палубе появился морской владыка Нептун в сопровождении своей свиты и капитана судна Бахрушева, которые поздравили бывших юнг с прибытием на остров боевой юности.

Корабль медленно швартовался к причалу, где толпились сотни жителей поселка. Ветераны с болью в глазах всматривались в них, ища знакомые лица. Ломкую тишину нарушал лишь громкий голос помощника капитана, руководившего швартовкой. Вот с грохотом упал в воду якорь, тотчас берег взорвался возгласами приветствий, торжественным маршем оркестра. Ветераны стали сходить на берег. Поцелуи, объятия, слезы... Среди встречавших оказались и те, которые знали и помнили юнг такими, какими они впервые ступили на остров в сорок втором. А над пристанью уже звучала песня юнг: «Мальчишки, мальчишки, вы первыми ринулись в бой, мальчишки, мальчишки, страну заслонили собой...»

«Так, туманным утром юнги вернулись на свой остров юности», писали газеты, и вот они, бывшие юнги, вновь стоят под стенами Соловецкого кремля в строю, как много лет назад. Время не пощадило их, посеребрило их волосы, избороздило лица неизгладимыми морщинами. Оставшиеся в живых приехали сюда, чтобы почтить память своих погибших товарищей, вспомнить свою боевую молодость.

По-боевому протрубили трубы. Подтянулись ветераны, выровняли строй.

— Смирно!

И седой ветеран-юнга четким строевым шагом пошел навстречу высокому, такому же седому капитану I ранга:

— Товарищ комиссар школы юнг Северного флота! Ветераны-юнги, прибывшие на встречу, построены!

— Здравствуйте, юнги!

Над площадью прозвучало, как эхо, дружное «Здравсткаппервого ранга!»

А капитан I ранга Сергей Сергеевич Шахов с радостным волнением глядел на своих бывших воспитанников. В них трудно было узнать давних подростков. Эти давно

немолодые люди приехали сюда за светлой памятью о своей школе, испытать радость встречи с однокашниками, пожать друг другу руку и, конечно, поговорить — повспоминать о пережитом. Здесь стояли посланцы Москвы, Ленинграда, Свердловска, Уфы, Казани, Саратова, Волгограда, Архангельска и других городов, где созданы советы ветеранов-юнг, музеи боевой славы. Комиссар, заменивший тогда на время отцов ребят, сейчас испытывал к ним самые теплые чувства. Неужто это те самые сорванцы, которые стояли в строю в далеком 1942 году, впервые надев морскую форму?

Он уже знал, кто и кем стал, где работает. Поэтому, заранее радуясь тому, что услышит, скомандовал:

— Начать перекличку юнг!

Первым по списку «старшина» назвал имя героя-юнги, моториста Саши Ковалева.

— Юнга Саша Ковалев пал в бою с немецко-фашистскими захватчиками! — четко произнес правофланговый.

— Юнга Валентин Пикуль?

— Юнга Валентин Пикуль — ныне известный писатель, автор книги о юнгах «Мальчики с бантиками»!

— Юнга Равиль Гильфанов?

— Есть юнга Гильфанов, ныне главный инженер Казанского завода, лауреат Государственной премии СССР!

— Юнга Марс Валидов?

— Есть юнга Валидов, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР!

— Юнга Ибрагим Валиуллин?

— Есть юнга Валиуллин, ныне ведущий инженер казанского предприятия!

— Юнга Юрий Ткачев?

— Юнга Юрий Ткачев погиб в бою с немецкими захватчиками!

— Юнга Анатолий Харитонов?

— Есть юнга Харитонов, ныне инженер, начальник цеха!

— Юнга Валентин Крючков?

— Есть юнга Крючков, ведущий инженер завода!

— Юнга Джавит Кутдусов?

— Есть юнга Кутдусов, ныне профессор Института культуры!

— Юнга Михаил Зинченко?

— Юнга Зинченко, ныне кандидат технических наук, заведующий кафедрой!

Перекликаясь с шумом морских волн, долго звучали имена юнг, названия городов, где они проживают и рабо-

тают, профессий и должностей. Поверка закончена. Комиссар высказал слова благодарности бывшим питомцам школы за то, что те с честью несут звание юнг Северного флота, за созидательный труд на благо Родины. И вновь, как много лет назад, над морем прозвучало мощное:

— Служим Советскому Союзу!

Затем строй обошел адмирал флота Н. Д. Сергеев, рядом с ним шел адмирал В. М. Гришанов, бывший начальник политотдела флота, не раз приезжавший на Соловки и встречавшийся с юнгами, контр-адмирал А. О. Шабалин, прославленный катерник.

— Вольно!

И строй ветеранов-юнг распался, они обступили своего комиссара, адмиралов. Всюду слышалось традиционное: «А помнишь?»

МАЛЬЧИКИ 42-го

В. Шамшурин

Стрижены, круглоголовы,
— Рота, на месте стой!
Мальчики 42-го,
Чернобушлатный строй.
Ночь отбивала склянки,
Кто-то не спал шальной
И рисовал в землянке
Бриг над крутой волной...
Стихли ветра норд-веста,
Водная гладь — стекло.
Облаком дымзавеса
Солнце заволокло.
И пулеметы хором
Рявкнули в небеса,
Грянула над простором
Огненная гроза.
Только летят упрямо
В самый ад катера.
— Я ж не смертельно, мама,
Вылечат доктора.
Стрижены, круглоголовы.
Память прожгла война.
Мальчики 42-го,
Раны и ордена.
В ранних морщинах лица,
Светят виски сединой...
А по ночам все снится
Бриг над крутой волной...

СЛОВО О КОМИССАРЕ

Когда речь зашла о комиссаре школы юнг С. С. Шахове, я не решился назвать его бывшим. Ведь для питомцев школы, ныне уже ветеранов флота, он и сейчас остался комиссаром, кем был более сорока лет назад. С «фотки» смотрел на меня человек с доброй улыбкой, с лукавинкой в глазах. Он будто спрашивал: «А каков ты сам?», «Чем ты живешь-можешь?»

Как и многие юноши тридцатых годов, Сергей Шахов пришел на флот по комсомольской путевке. Успешно окончил учебный отряд подводного плавания и получил специальность рулевого. Его морское крещение произошло на подлодке «Народоволец». Благодаря своей любознательности и прилежанию вскоре он стал одним из лучших специалистов корабля, активным общественником. Поэтому командование послало его рулевым-сигнальщиком на подлодку «Искра». Именно здесь раскрылся организаторский талант Сергея, что комсомольцы избрали его своим вожаком.

Комсомольский экипаж лодки первым на Балтике откликнулся на трудовой подвиг знатного шахтера страны Алексея Стаханова и принял социалистическое обязательство вывести корабль в число отличных экипажей. Сергея избрали членом Ленинградского горкома комсомола. Целеустремленно и настойчиво занимался Шахов вопросами боевой учебы подчиненных, повышения их мастерства. Его отделение постоянно выходило победителем по итогам соцсоревнования, что также не осталось незамеченным: постановлением ВЦИК СССР 24 декабря 1935 года он был награжден орденом Ленина и как самого достойного на областной комсомольской конференции его избрали делегатом на X съезд ВЛКСМ, который состоялся в 1936 году. Сергей там выступил с речью, в которой заверил, что Родина может положиться на балтийцев! Это были не пустые слова. Балтийский флот успешно отражал налеты вражеской авиации, показал образцы героизма и верности Родине. После окончания военно-политической академии имени В. И. Ленина Шахов был назначен инспектором Политуправления Северного флота и оказался в самой гуще событий. Постоянно бывал на кораблях, участвовал в боевых походах. Самым трудным для него был выход в море на подводной лодке Щ-402. Почти неделю находилась лодка в плавании, выдержала февральские штормы и потопила два крупных транспорта и один тральщик противника. Когда вернулись

в родной порт, командир корабля с улыбкой сказал Шахову:

— Может, сходите с нами еще раз? Вы приносите удачу.

Сергей мечтал вернуться на лодку, но командование флота думало иначе — направило его комиссаром в школу юнг ВМФ. И не ошиблось — Сергей Шахов и здесь оказался на месте, сполна раскрыв и педагогический талант. Бывшие его воспитанники с благодарностью говорят, что каждому из них он отдал частицу своего сердца. Вот почему Сергей Сергеевич для них так и остался комиссаром, не теряет связи с ними. Организовал встречи выпускников школы юнг на Соловецких островах в Архангельске, Москве, Ленинграде, Риге. Воспитываются тысячи мальчишек, в том числе и ребята Казанской средней школы № 94.

Однажды здесь я увидел высокого капитана I ранга. Это и был комиссар Шахов. Он стоял в окружении ребят и ветеранов-юнг и, что-то рассказывая им, заразительно смеялся. Нам удалось поговорить лишь после официальной части и концерта, в школьном музее боевой славы.

— Очень рад, что приехал сюда, будто нашел родных,— кивнул он в сторону ветеранов-юнг.— Ведь их судьба для меня никогда не была безразличной. И тогда, на Соловках, и теперь они продолжают дружить, не забывают свою школу, не растеряли морской дух, флотский заряд. Хорошо, что они подружились с пионерами, рассказывают им о ратных делах моряков в годы Великой Отечественной войны. Это очень полезное, нужное дело.

Спустя года три Сергей Сергеевич снова приехал на встречу со своими питомцами. Времени у него было в обрез, но наши беседы состоялись. Они проходили в непринужденной обстановке, раскованно. Я задавал вопросы, Шахов отвечал на них.

— Как было воспринято вами назначение в школу юнг комиссаром, Сергей Сергеевич?

— Не скрою: сначала оно меня разочаровало. Но когда увидел ребят, проникся к ним сочувствием и посчитал своим долгом помочь им осуществить мечту — скорее попасть на фронт и отомстить фашистам за все их злодеяния. А на Соловки приехали наиболее отчаянные юнцы, многие до этого пытались «прорваться» на фронт. Среди них были и такие, которые, попав к партизанам, уже принимали участие в боевых операциях: взрывали мосты, ходили в разведку. Это были боевые ребята! Один за боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени, другой — ор-

деном Красной Звезды. Таких юнг нельзя было не уважать. Я хорошо помню и посланцев Татарии. Мира Нигматуллина, например, а также Юрия Городецкого.

— Природа на Соловках очень сурова. Как восприняли это воспитанники школы?

— Мужественно перенесли все невзгоды. Работали и учились по десять часов в день, несли караульную службу, заготавливали дрова для отопления помещений и столовой. В минуты досуга, а их выпадало очень мало, резвились, как все мальчишки: гоняли в футбол, участвовали в художественной самодеятельности. Я гордился ими, помогал им постигать науку предстоящих морских сражений. Ежедневно знакомил их со сводками Совинформбюро, рассказывал о разгроме гитлеровских войск под Москвой, о Сталинградской битве. Воспитывал ребят на боевых и революционных традициях русского и советского флота. Нашлись художники-самородки и превратили каждый кубрик в своего рода музей, картинную галерею. Довольно-таки точно «сняли» копии с картин, рассказывающих о героических эпизодах — о победе у острова Эзель, Чесменском сражении, Синопской битве. Нарисовали портреты известных флотоводцев Ф. Ф. Ушакова, М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, С. О. Макарова. Были изготовлены стенды, посвященные подвигам советских воинов на фронтах Великой Отечественной, устраивались читки писем с фронтов, а также подводников-североморцев юнгам, газет и журналов. Среди юнг проводился конкурс на лучшее оформление кубриков.

Примером были педагоги, командиры, прибывшие в школу с кораблей. Ребята очень любили начальника школы капитана I ранга Николая Юрьевича Авраамова. Участник Великой Октябрьской революции и гражданской войны, он отдавал все свои силы и талант делу защиты завоеваний революции. Юнги считали счастьем, если доводилось выходить с ним в море.

Почитали они и командира 3-й роты боцманов старшего лейтенанта Александра Пшикова. Не меньшим авторитетом пользовались у ребят старшие лейтенанты Лисов, Волков, Дубовой, преподаватели капитан II ранга Сорокин, капитаны Богданов, Коржов, старшие лейтенанты Нечитайлов, Панин, Ахмедов. Ветераны-юнги до сих пор помнят наших замечательных старшин Виноградова, Ненашева, прибывших к нам с легендарного крейсера «Киров». Кумиром для них был и старшина 2-й статьи Карачев, который «все знал, все умел», обращался к юнгам как к младшим

братьям. Не случайно они после окончания школы долго еще слали ему письма, в которых сообщали о своих боевых успехах, планах. «Моя мечта сбылась — стал настоящим моряком. Я часто вспоминаю вас, ваши наставления не забываю. Спасибо за все. Юнга В. Рыхлов». «Я рад, доволен, что учился у вас в смене. От вас я взял все, и теперь это воплощаю в дело. Юнга П. Глебов». Таких примеров много.

В школьном музее боевой славы внимание Сергея Сергеевича привлек стенд с фотографиями юнг 1942—1943 годов. На нас смотрели 14—15-летние мальчишки в бескозырках. Одни озорно улыбались, другие были в меру серьезны. Шахов долго рассматривал, читал подписи и все оглядывался на ветеранов-юнг, собравшихся здесь, отыскивая сходство. Байкина он узнал сразу.

— Это же наш знаменитый танцор и плясун! Покажись, Виль! Байкин был в это время в музее и откликнулся без промедления. Вышел на середину зала, раскинул руки и прошелся по кругу, выделывая стремительные коленца.

— Все такой же! — восхитился Шахов.— И годы нипочем!

ПОДВИГ

Посвящается юнге-разведчику Саше Чаулину

Слова пионеров 4 «В» класса средней школы № 8 г. Выксы Горьковской обл. Музыка учителя пения Н. Страхова.

В грозные годы далекой войны
Бились с врагами России сыны.
Был среди них доброволец-моряк
Саша Чаулин, друг и земляк.

Припев:
Юнга Чаулин — Северный флот
Подвиг разедчика в сердце живет.

Снова в разведку уходит отряд
Смелых, отважных, надежных ребят.
Трудна, опасна дорога назад,
Враг их заметил. Пули свистят.

Припев:
Юнга Чаулин, друг боевой,
Прикрыл друзей, один принял бой.

Мирное небо над нашей страной,
Подвиг героев ведет за собой.
Песню поет пионерский отряд
Дружных, верных и веселых ребят.

Припев:

Саша Чаулин с нами всегда,
Бодро ребята герою поют.

МОРСКИЕ ОХОТНИКИ

После окончания школы юнг осенью 1943 года Борис Жарков попал на Балтику и воевал в составе экипажа морского охотника МО-203. День Победы встретил на своем корабле. Вернувшись в родную Казань, получил специальность механика швейного производства и работал в профтехучилище.

Придя в школу на встречу с пионерами вместе с другими бывшими юнгами, он тоже рассказал о своем боевом пути.

— Наши катера,— говорил Борис Игнатьевич,— долгое время несли дозорную службу в районе между Кронштадтом и островом Сескар, вели, как писали в газетах, бои местного значения с финскими и немецкими кораблями. В начале 1944 года меня перевели на МО-124 первого дивизиона, получившего впоследствии звание гвардейского. Вскоре мы перебазировались на остров Сескар, поближе к вражеским коммуникациям. Однажды получили приказ выявить огневые точки гитлеровцев на острове Бьерк. Там находились мощные береговые батареи, которые перекрывали северный фарватер. Подойдя к острову, наши катера растянулись в кильватерном строю и открыли огонь из своих пушек. В ответ фашисты молчали. Еще раз прошлись вдоль берегов, усилили стрельбу. Тут уж у затаившихся гитлеровских артиллеристов не выдержали нервы. Сначала заговорила одна батарея, затем вторая, третья, раскрывая свои координаты. Этого-то нам и надо было. Мы засекли месторасположение батарей, повернули назад. А на рассвете у острова появились уже наши канонерские лодки с мощными орудиями и совместно с авиацией подвергли остров бомбардировке. Все его побережье было перепахано тяжелыми снарядами и авиабомбами. Следом был высажен десант морской пехоты, который довершил разгром вражеского гарнизона.

Выполнение задания требовало от каждого выдержки, мужества. Жарков, а ему в то время было всего без малого семнадцать лет, стоя на мостике рядом с командиром, вел корабль строго по заданному курсу. И не дрогнул под огнем немецких дальнобойных орудий.

— Каждый, конечно, страшится, идя в бой,— делился Борис Игнатьевич воспоминаниями,— но уже после первого выстрела страх как бы испаряется. Остается лишь дело — боевая работа, когда некогда думать об остальном.

В августе 1944 года, продолжал он, наши сухопутные войска подошли к Выборгу и немцы решили бежать на транспортных судах, катерах под сильным конвоем. Дивизиону малых охотников было приказано во взаимодействии с авиацией сорвать эту операцию. Мы вышли в море в сумерках, ведя за собой на буксире торпедные катера, которыми командовал Герой Советского Союза Осипов. Вскоре заметили силуэты крупных судов, шедших под охраной эсминцев, сторожевиков. Они еще издали открыли сильный артогонь. Нам надо было как можно ближе подойти к ним и атаковать. И вот один из охотников вырвался вперед и на большой скорости «помчался» параллельно курсу конвоя и начал ставить дымовую завесу». Потом эту операцию повторил и наш МО-124. Теперь в боевую работу включились торпедные катера. Первым они поразили немецкий эсминец, который переломился и затонул. Затем в волнах скрылся крупный транспорт с войсками, еще один эсминец, затем и сторожевик.

Не менее памятна и другая операция. Мы находились в дозоре. До часа ночи было подозрительно спокойно. Вдруг впередсмотрящий докладывает командиру о каких-то шипящих шумах. Акустики засекли шум винтов подводной лодки. Усилили наблюдение. Вскоре недалеко от катера из-под воды появилась боевая рубка всплывающей немецкой подлодки. Мы стояли в тени острова Сескар с выключенными моторами, а поэтому гитлеровцы не заметили нас. Командир лейтенант Дежкин приказал запустить моторы и направил корабль прямо на лодку, рассчитывая протаранить ее. Но мы опоздали на одно мгновение, лодка успела нырнуть в глубину.

— Начать бомбометание! — приказал командир.

Ушли в глубину мощные бомбы, они взрывами вспарывали толщу воды. К нам присоединился и катер старшего лейтенанта Авилкина. Всю ночь мы не покидали этот район. И когда рассвело, на поверхности воды увидели большие масляные пятна: подлодка была уничтожена.

Бывший командир МО-102, а затем и дивизиона малых охотников И. Чернышев выпустил книгу под названием «На морском охотнике». В ней есть страницы, посвященные экипажу катера лейтенанта Н. Дежкина, где рулевым был наш земляк Борис Жарков.

...Морские охотники охраняли фарватеры, не допускали их минирование противником. Иногда им поручалось высаживать наших разведчиков в тылу врага и в условное время встречать. В конце ноября 1944 года экипаж МО-124 темной ночью высадил на вражеский берег двух наших разведчиков. Подходы к берегу были трудными, охранялись немецкими катерами, на скрытых местах сидели наблюдатели. Поэтому было решено сначала пройти дальше на запад, а потом повернуть обратно. Разве противнику придет в голову, что одинокий катер, идущий с запада, может оказаться советским? В половине второго ночи катер приблизился к нужной точке и оставил своих «пассажиров».

Два дня МО-124 укрывался в маленькой бухте острова Сескар, а к вечеру подошел к условленному месту. Долго ждали разведчиков, но те не вышли к месту встречи. И в последующие две ночи моряки не дождались условленного сигнала с берега. Хмурые, недовольные собой, они вернулись на место стоянки. Тяжело переживали матросы неудачу, чего только не передумали. На войне всякое бывает. И все же с нетерпением ждали сумерек. И снова катер подошел к «молчаливому» берегу. Каждая минута ожидания казалась вечной, а прошло уже несколько часов. Нервы у всех были напряжены до предела, будто звенели. Прошли еще долгих десять-пятнадцать минут. Берег темнел лесом. Моряки неотрывно следили за ним, фиксируя малейший шум, всплеск волн. И в этот критический миг гидроакустик доложил, что слышит шумы винтов многих катеров противника. Все были встревожены — если враг заметит, боя не избежать. Молча заняли боевые посты, артиллеристы встали у орудий, пулеметчик положил палец на гашетку. У каждого сжалось сердце, похолодело в груди. Рулевой Борис Жарков до боли сжимал штурвал, готовый выполнить любой приказ командира.

А шум дизелей вражеских катеров все усиливался, казалось, вот-вот они вынырнут из темноты и расстреляют одинокий катер. Но те, как выяснилось вскоре, направились на запад. А стрелки часов перешли уже цифру 3.

— Товарищ командир! — вдруг шепотом произнес сигнальщик.— Вспыхнул огонек на берегу.

Это были сигналы наших разведчиков, видимые только с определенной точки. Наконец-то! И Борис вспомнил изречение: «Есть годы короче мгновений, но есть мгновения длиннее веков». Сейчас был как раз тот случай.

Катер на малом ходу двинулся к берегу, а навстречу уже шла надувная лодка. Уставших, продрогших и голодных разведчиков подняли на борт, и они попали в крепкие объятия моряков. Вскоре они были доставлены в Кронштадт.

В другой раз МО-124 получил такое задание: были получены сведения, что в ближайшее время фашисты перебросят через линию фронта группу диверсантов. На суше были приняты меры к их задержанию. Но они могли пройти морем.

Заняв позицию в наиболее опасном месте, выключив моторы, моряки стали ждать. Первая вахта прошла без происшествий. И вторая, и третья ночи тоже оказались безрезультатными.

Шла тревожная четвертая ночь. Поднялся небольшой туман, но вскоре ветер разогнал его. Вот тут-то наблюдатели заметили движущийся темный предмет. Стали следить за ним. Это оказалась надувная резиновая лодка с одним пассажиром. Он сидел спиной к кораблю и медленно греб. Когда приблизился примерно на десять метров, его окликнули, приказали подойти к борту. И все мы увидели человека в поношенной одежде, дрожащего от холода и испуганно озиравшегося. На дне лодки лежали автомат, пистолет, гранаты и коробка с взрывчаткой. Из кармана пленника извлекли советский паспорт. Он оказался одним из членов группы диверсантов. Потом нашли в море остальных и их пленили.

Экипажу МО-124 запомнился еще один поход, на этот раз мирный. После освобождения Таллинна и выхода из войны Финляндии с визитом вежливости в Хельсинки отправилась канонерская лодка. Дивизион катеров сопровождал ее до самой столицы соседней страны. Первым по сложному незнакомому фарватеру среди шхер шел катер, которым командовал лейтенант Дежкин, а за рулем стоял юнга Борис Жарков. Вернувшись в Кронштадт, морские охотники отправились сопровождать подводные лодки, которые теперь действовали уже в просторном Ботническом заливе, топили вражеские транспорты с военным грузом, рудой продовольствием.

Из дневника Бориса Жаркова

Ребята смотрели друг на друга и не могли нарадоваться — так преобразила их матросская форма юнги. В своем дневнике Жарков так описал это.

«...— Витя, ты совсем другим стал: выше, серьезнее и солиднее.

— А вы тоже, братцы! Мечта наша, кажется, сбывается. Теперь держись, смотри в оба, иначе всем нам грош цена.

— Выдержим, Витя, вместе легче.

— Надо, Юра, так учиться, чтобы закончить школу на «отлично», на корабль попасть с хорошей характеристикой.

— Какую же мы специальность выберем?

— Рулевой! По-моему, специальность самая что ни на есть. Управлять кораблем, вести его так, чтоб не сойти с намеченного курса, нужно большое мастерство.

— Согласен. Значит, будем рулевыми!»

* * *

«Стали готовиться к переходу на Соловки. Вдруг с моря подул холодный, порывистый ветер, и в море появились белые барашки, вестники большого шторма, и торопливо бежали к берегу. Не прошло и часа, как море уже клокотало, словно под водой взрывались бочки с порохом. Беспокойные волны вовсю гуляли по гавани, разбивались о борта судов, стенки причалов, в воздух летели мелкие брызги, которые под лучами солнца казались горошинами жемчуга.

С каждой минутой ветер усиливался, не давая раскрыть рот, сказать слово, волны раскачали даже крупные суда.

— Что, Юра, хороший экзамен предстоит для выявления наших морских качеств: примет море нас или нет?

— Да не бойся ты, Витя. Если даже дурно человеку сначала, он может стать хорошим моряком. Даже знаменитые флотоводцы болели морской болезнью.

— Сколько проедем до места?

— Не знаю, Юра. Наверное, сутки придется болтаться.

— Не ехать, а идти. По морю не ездят, а ходят,— поправил проходивший мимо старшина.— А доберемся примерно через десять-двенадцать часов, а, может, и больше: как море поведет себя».

* * *

«По морю все еще гуляли большие волны, гонимые норд-остом, они били в скулу правого борта судна. Оно будто кряхтело, скрипело, тяжело раскачиваясь, двигалось вперед. Волны всю ночь терзали нас.

Лишь к утру шторм стал заметно стихать, море успокаивалось, замедляли бег волны. Вскоре стало светать, и тем, кто не спал, море открылось во всем своем великолепии. Сколько радостных возгласов вызвало оно у молодых мореплавателей!

Будущие юнги собрались на баке, каждому хотелось скорее увидеть землю, куда держали путь. Но земли еще не было видно, темнела какая-то полоса на горизонте. Остров появился чуть позже.

— У тебя, кореш, зоркий глаз, из тебя выйдет хороший сигнальщик! — заметил сопровождавший нас старшина.

— Видишь, Вова, тебе быть сигнальщиком. Не надо теперь голову ломать!

— Ладно, Юра, буду учиться на сигнальщика.

Чем ближе подходили к острову, тем выше казался монастырь на нем. Я знал, что это за монастырь, читал о его происхождении.

— Да тут целый город в лесу, Виктор, и гавань приличная.

Судно подходило все ближе, засемафорили флажками сигнальщики. Интересно, что они сказали друг другу?

Стенка медленно двинулась навстречу судну, мягко ударилась о кранцы.

— Подать швартовые!

Еще минута, стих шум машин. Началась выгрузка».

* * *

«Остров был небольшой, но очень живописный. Всю площадь покрывал лес, блестело множество озер. Старинный монастырь стоял у самого берега. Был он мрачен и неприветлив, но внутренние помещения жили веселым гомоном юной жизни.

У ворот нас встретило множество таких же молодых моряков, как мы.

— Волжане идут! — крикнул кто-то из них».

* * *

«Долго не могли заснуть, ребята вертелись на койках, каждый думал о завтрашнем дне. Только к утру все затихло. Но стоило дневальному сыграть побудку, все снова зашевелилось, забегало. Гомон, голоса.

— Лавров, тебя ведь в 12-й кубрик определили, а почему тут оказался?

— Но я сам не хочу там оставаться.

— Ну, что же, давай дружить, Гена,— протянул руку Юра».

* * *

«К 9 утра прибыли начальник школы капитан II ранга Иванов, его заместитель и командиры. Мы собрались у подъехавшей машины.

— Товарищи юнги,— сказал капитан II ранга,— как видите, мы приехали почти к пустому месту, а нам надо учиться. Поэтому, не теряя времени, нам нужно взяться за строительство школы. А пока разместимся в палатках.

Он помолчал, разглядывая нас.

— Предупреждаю сразу: кому неприятны эти условия, не будем держать, могут уезжать. Нам не нужны нытики. Но не забывайте, что вы будущие моряки, а моряки не хнычут. Вот все, что я вам хотел сказать. — Поняли меня!

— Поняли! — раздался дружный ответ. Никто не струсил, все дружно взялись за дело».

* * *

«— Подъем! — раздается зычный голос дневального по роте.

Мыло, полотенце в руки — и на озеро. А скоро и завтрак подоспел.

Не прошло и часу, как все собрались на рабочей площадке. Красноармеец-сапер руководил стройкой.

— Вот здесь будет ваша рота,— показал он на подножие небольшого холма. То есть вы должны там построить десять кубриков, ведь у вас в роте десять смен. На каждую смену кубрик. И чем быстрее сделаете, тем лучше для вас самих.

— Да, сказать-то можно. Попробуй выдолби котлованы в таком грунте,— проворчал стоявший рядом паренек.

Гена повернулся к нему:

— Послушай, дружок, ты слышал, что сказал вчера на-

чальник школы? Все просто — пиши заявление, что не нравится тебе здешний грунт, поэтому я, мол, оставаться не могу, хочу домой к маме. Если тебе стыдно самому отнести заявление, положись на меня, доставлю по назначению.

Раздался дружный смех.

— Если будешь ныть, переходи в другую смену,— посоветовал Юра.

— Прекратить, что за споры?!

— Да вот, товарищ инженер-майор, обсуждаем, как лучше начать стройку, ведь не ахти какие инструменты дали.

— Это же самые лучшие на свете лопаты, ломы! Принимайтесь за работу! — не сдержавшись, улыбнулся майор, развеселив тем самым ребят».

* * *

«Как ни тяжел был грунт, стройка двигалась, почти все котлованы были готовы, кое-где начали закладывать стены из бревен.

— Ребята, смотрите, что написано у второй роты. Вроде хотят нас обогнать.

— Там написано: «К двадцатому октября закончить постройку жилых помещений».

— Это что же, вторая рота хочет стать первой? Как бы не так! — азартно воскликнул Виктор.— Давайте закончим строительство помещений к пятнадцатому. Согласны?

— Согласны! — дружно откликнулась вся смена.

И над первым котлованом, где тоже начали класть фундамент, взвился плакат: «Окончим стройку к пятнадцатому октября!»

* * *

«— Ну как отдохнули, друзья? — спросил утром командир роты лейтенант Кравченко.

— Отлично, товарищ лейтенант!

— Смирнов, на сегодня задача трудная — надо кончить закладку фундамента.

— Сделаем, товарищ лейтенант!

— Смирнов, приятно удивляет сплоченность, расторопность вашей смены. Ты что, ребят специально подбирал?

— Да что вы? Нас здесь только трое старых друзей.

— Кто?

— Валентин Кузовов, Юрий Городецкий и я. Все мы из Казани. В Архангельске познакомились с Геннадием Лавровым. Так нас стало четверо друзей, крепкое ядро. И кто бы к нам ни приходил, мы быстро приучали к порядку.

— Замечательно! Если бы таких орешков было больше, то рота с уверенностью «взяла» бы первое место.

— Она и возьмет его, товарищ лейтенант!

— Но у нас есть еще такие элементы, которые мешают.

Лейтенант улыбнулся:

— Я специально нерадивых «рассовываю» по разным сменам. А что, не поддаются перевоспитанию?

— Грубы и заносчивы. Что с ними нянчиться? Отчислить из школы — и делу конец!

— Но наша задача в том, чтобы и перевоспитать человека.

Надо воздействовать на каждого нерадивого личным примером. Тогда будет полный ажур.

Виктор согласно козырнул в ответ и направился к своим ребятам.

— Юрий! Где новенькие? Как работают?

— Тут. Прекрасно работают! Видишь вон ту группу? Несут бревно. Один из них бывший летун.

— Не может быть?!

— Я сам удивляюсь, — усмехнулся Геннадий. — Парень — ничего. Видишь, как старается. После того, как с ним поговорил немного.

— Понятно, — только и сказал Виктор. Его немножко задело, что не он перевоспитал того. Товарищи помогли. «И это дело», успокоился он».

* * *

«Прошли месяцы. Строительство в основном было закончено. Начался учебный год. За неимением электрического света приходилось заниматься только в светлое время суток.

— Скоро ли привезут двигатель? — вслух размышляет Городецкий. — Учеба задерживается, и вообще — живем, как эскимосы, при коптилке.

— Ничего, Юра, на днях привезут, и так можно пока учиться.

— Не хватает времени. Особенно для самоподготовки.

— Но, Юра, не забудь нашу клятву учиться только на «хорошо» и «отлично» — напоминает товарищу Виктор.

Некоторые захихикали.

— Кому это тут смешно? Не смеяться, а плакать надо. За исключением некоторых, вы плохо держите свое слово. Не стыдно? Берите пример с Гены, видите, как он старательно занимается. На флоте существует только «Есть!». «Есть», значит, хорошо учиться! Понятно?»

* * *

«— Ребята, новость! — радостно объявил прибежавший Юра. — Привезли двигатель и уже монтируют!

— Ура! Ура! Ура! Да здравствует свет, да скроется тьма!

Послышалась дудка дневального — отбой ко сну. Койка Валентина рядом с Виктором, и они часто перед сном ведут тихий разговор.

— Ты пишешь домой, Витя?

— Понимаешь, вот, думаю, сейчас напишу, но смотришь, и день кончился. Ну, а теперь, со светом — напишу.

Виктор в который раз с нежностью подумал о девушке, которой признался в любви. Что она сейчас делает, вспоминает ли его? Кажется, не икалось, значит, не вспоминает.

Он вынул из-за пазухи маленький медальон с ее фотографией.

— Валя, спишь? Посмотри.

— Как ее зовут?

— Тоня.

— Хорошее имя. А у меня пока никого нет.

— Не унывай, все еще впереди! Какие наши годы!

* * *

«Давно не брал в руки дневник, было некогда, занимались по 10—12 часов в день. Так прошла трудная зима. И учеба уже близка к завершению. Ребята повзрослели, возмужали. Уже идут выпускные экзамены. Смене Виктора осталось сдать всего один предмет — «Кораблевождение». Самый трудный предмет. По всем семи сданным дисциплинам ребята получили отличные и хорошие оценки.

— Осилим последний экзамен на пятерку, ребята? — спрашивает Виктор.

— Осилим! — хором отвечают друзья.

— За теорию спокоен, а вот как с практикой? — все беспокоится Виктор.

— Будем ходить под парусами, наверное?

— И не просто так, а с картами по назначенному курсу. А потом придется показать умение по управлению торпедным катером, — говорит Валентин.

— Это же здорово! — радуется Юрий Городецкий.

— Конечно, ты рад, потому что ты один из лучших мореходов нашей группы!

— Я хочу, чтобы все это умели. Готов с ними заниматься хоть до утра!

Появился командир роты.

— Смирно! Товарищ лейтенант, смена рулевых на самоподготовке!

Лейтенант поздоровался и спросил:

— Как готовимся? — Не дожидаясь ответа, продолжал: — Вы молодцы! Давайте немножко помечтаем. Скоро вы разьедетесь. Я рад, что на всех флотах будут мои воспитанники.

— А где лучше?

— Где лучше? Флот у нас один — советский. Только разница в климате. Но вы же моряки, вам ли бояться холода или жары!

С минуту молчали. Каждый думал о своем. Потом все стали высказывать свои желания: «Я — на Балтику», «Я — на Черное море», «Я — на Север». Промолчал только Смирнов.

— А ты, Смирнов?

— Я хочу на Северный флот.

— Молодец! И я люблю Северный флот,— сказал лейтенант. — Провожу вас и уйду на корабль. Где-нибудь встретимся. А такого рулевого, как ты, Смирнов, везде с радостью встретят.

— Спасибо, товарищ лейтенант.

— Ты заслужил похвалу. Смотрю на тебя и вспоминаю рулевого с моего «охотника». Тоже Виктором звали, Кучеренко фамилия. Вместе с ним вспоминаю всех членов экипажа. Все они погибли. Мы вели бой с кораблями противника недалеко от Рыбачьего. Три наших МО отвлекали корабли врага, чтобы дать возможность нашим торпедным катерам удачнее атаковать. Задача была выполнена — два транспорта противника затонули. Но тут налетела гитлеровская авиация — несколько десятков «мессеров» и «юнкерсов». Кидались на нас со всех румбов, море кипело от взрывов бомб и снарядов. На катерах, которые вели трудный бой, становилось все больше раненых и убитых. И боеприпасы были на исходе. Но вражеские самолеты сменяли друг друга, продолжали атаку. Мы стали уходить. Не прошли и двух кабельтов, как раздался взрыв. И я больше ничего не помню. Очнулся в госпитале.

— Мина, значит, товарищ лейтенант?

— Да. Во время схватки мимо нас пролетели несколько самолетов. Наверное, они набросали плавающих мин.

— А два других катера?

— Они, как рассказали потом, едва добрались до базы. В каждом экипаже были убиты и ранены по 5—6 человек. Они, оказывается, и спасли меня и моего сигнальщика, который скончался в госпитале. Я как бы осиротел, ни о чем не мог думать, как о погибших товарищах. Я должен за них отомстить. И вы тоже!

— Есть мстить! — вскричали юнги».

* * *

«— Братцы, кажется все: еще вдое получили пятерки! Первое место нам обеспечено!

— Кто же остался?

— Валентин и Рыбак. За них бояться нечего, — сказал Геннадий.

Вскоре открылись двери и оттуда выскочили два раскрасневшихся юнги.

— Пятерка! — кричал Валентин. — А как они терзали Рыбака. А он, как назло, чеканит и чеканит. Наконец, сдались экзаменаторы.

— Молодец, Рыбак! — пожимали ему руки, хлопали по спине.

Его фамилия — Рыбалко, но по-дружески его все зовут Рыбаком.

За своих ребят болел и командир роты лейтенант Кравченко. Теперь он успокоился, подшучивал:

— Признайтесь, вы сейчас на седьмом небе? А? Но не зазнавайтесь, а учитесь постоянно. Вы здесь получили только азы морской науки.

— А когда на корабли, товарищ лейтенант?

— Теперь уж осталось недолго. Но главное то, что за вас нам не придется краснеть. Хорошо учились! Идите все в роту, к поверке буду у вас».

* * *

«Несмотря на поздний час, в кубриках было шумно, хоть все лежали на койках. Никто не мог уснуть. Да какой тут сон, когда предстоит отъезд на корабли. Завтра смотр, прощание со школой.

Виктор ждал, когда все успокоятся, чтобы написать домой письмо. Взял лист чистой бумаги, вывел первую строчку:

«Здравствуйте, дорогие родители!»

И надолго задумался, вспомнил все, что произошло после

отъезда из родного дома. Может, об учебе написать. Зачем? Им нужно только то, что я здоров и служу.

«Примите мой горячий сыновний привет и море самых лучших пожалений. Желаю вам крепкого здоровья. Я жив и здоров, служу, скоро поеду к месту постоянной службы. Вот и все.

С приветом ваш сын Виктор».

Но что написать Тоне, долго сидел и никак не мог придумать. Не писать тоже нехорошо, ведь обещал написать одновременно и родителям, и ей. Что ж, начну, как все.

«Привет с Севера! Тоня, здравствуй!

Прости, дорогая, что долго не писал. Я не могу и не хочу искать оправдания. Все получилось как-то так, что весь ушел в изучение морской науки, чтобы легче было воевать. Теперь, когда меня научили морскому делу мои учителя, за что я им очень благодарен, пришло время подумать о себе, о вас. Я все помню и скучаю, пишу и вижу тебя, будто слышу твой голос.

О себе. Живу и тружусь, кончил школу на «отлично». На фронте еще не был, но скоро думаю попасть.

Вот и все. Жди письма. Пиши, как ты. Что делаешь? Как мама?

Вообще пиши обо всем.

С приветом Виктор.»

«Ох эти письма. Хуже всякой кары», — подумал он. И лег спать. И не заметил, как погрузился в крепкий предрассветный сон.

Утро встретило юнг яркими лучами солнца. От свежего воздуха, аромата спелых ягод приятно кружилась голова.

— Приготовиться к завтраку, форма — парадная! — объявил дневальный. И кубрики превратились в муравейник: кто гладил, кто чистил, кто пришивал пуговицы. Настал день, который определит дальнейшую жизнь юнг».

* * *

«— Рота, смирно! Товарищ лейтенант, личный состав вверенной вам роты построен!

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

Прозвучал громовой ответ.

— Наша рота заняла первое место в школе и недаром флаг соревнований реет над одним из кубриков роты. Среди вас 97 процентов отличников. Молодцы!

— Служим Советскому Союзу!

— Слушай мою команду: налево! Шагом марш! — Охнула земля от удара чеканного шага матросов. — Запевай!

Над лесом, озерами, прорезая утреннюю тишь, зазвучала песня. 250 парней подхватили припев любимой мелодии марша североморцев, мощный хор извещал, что идет отличная рота:

За тех, что флот создали нам,
За жизнь страны родной
За Родину Отчизну
Североморцы, смело в бой.
Североморцы, в бой!

Останавливались прохожие, провожали роту.

— Хорошо идут!

Колонна остановилась у здания штаба».

* * *

«В шесть часов утра следующего дня группа курсантов грузилась на пароход. Среди них были Виктор Смирнов и Геннадий Лавров. Они первыми покидали школу. Юрий и Валентин оставались. Все тяжело переживали расставание со школой, с товарищами. Но всех нас ждали на кораблях. Слышны команды, последние прощальные слова. Вот раздался третий, протяжный гудок. Над бухтой полилась песня:

Школа родная, школа юнгов,
Путевка в Красный флот,
Любезная, полезная,
Недаром в ней учились целый год».

* * *

О ЧЕМ ТЫ ЗАГРУСТИЛ?

О чем ты, юнга, загрустил
Военных лет моряк?
Детишек ты своих взрастил,
И пушки не гремят

Иль снятся тебе Соловки,
Землянка под сосной.
Снарядов страшные шлепки,
И первый бой.

Со смертью рядом ты бывал
И звал ее порой.
Ее желанной называл
В час роковой.

Ты флотской дружбой дорожил,
В боях не отступал.
И свято чтишь, кто не дожил,
В борьбе с фашизмом пал.

Довольно, юнга, не грусти,
Смахни слезу рукой,
Венок на волны спусти
. . . .

ФЛОТСКИЙ ХАРАКТЕР

Юрий Городецкий, описанный Борисом Игнатьевич Жарковым, оказывается, и не подозревал о том, что его друг ведет дневник.

На склоне лет у всех в памяти остаются лишь те события, которые прошли через сердце. Памятным для Юрия Городецкого явилось участие в беспримерном воздушном десанте в августе 1945 года, когда на такое дальнее расстояние (из Владивостока в Порт-Артур и Дальний) было переброшено целое воинское хорошо вооруженное подразделение. Десантники захватили там плацдарм и удержали его до подхода наших войск.

За восемь лет службы на Тихоокеанском флоте Городецкий повидал немало бурь, но такого шторма, который разыгрался на подходе к Цусимскому проливу в октябре 1945-го, он помнит до сих пор.

...Городецкого рассыльный разбудил в два часа ночи-

— Юра, вставай, тебе на вахту!

Юнга тотчас же соскочил с койки и чуть не отлетел к переборке.

— Шторм, — уточнил рассыльный.

Привыкший к качке, Юра быстро оделся, сделал несколько энергичных приседаний и, плеснув в лицо холодную воду, бодро взбежал наверх.

Палуба встретила его грозным рокотом моря. Едва перешагнул комингс, как его обдало холодными солеными брызгами. Балансируя на мокрой, уходящей из-под ног палубе, Юра пробежал до трапа, идущего на шкафут, едва успел зацепиться, как почувствовал, что судно вновь стало резко крениться вправо. На юнгу обрушился мощный поток воды. Выдержав удар, Юра упрямо полез вверх, поднялся на шкафут. Ухватившись за спасительные металлические леера, добрался до капитанского мостика и потя-

нул на себя дверь. Здесь было потише, хотя по стеклу смотрового окна периодически хлестали залпом водяные потоки, затрудняя обзор. Но там, впереди, все равно ничего нельзя было разглядеть. Только мигали разноцветные глазки приборов, а на огромном штурвале почти висел рулевой. Его и пришел сменить Юра.

Огромный штурвал старого парохода, связанный с румпельным отделением стальными тросами, так и норовил вырваться из рук Юры. Он с большим трудом удерживал его после каждого удара новой волны.

За годы службы на эсминце «Ревностный» Городецкий не раз попадал в штормы, но в такой ситуации оказался впервые. Море бушевало вот уже несколько часов. Огромные водяные валы тяжело накатывались беспрестанно один за другим. Судно каждый раз вздрагивало, охало, но упрямо лезло вперед, во мглу, время от времени давая гудки, чтобы слышали идущие следом пароходы «Тобол», «Т-1», «Т-2», «Т-3», светило огнями.

Капитан-лейтенант Сергеев, назначенный капитаном транспорта на время перехода во Владивосток, подходил к юнге, проверял курс по компасу и спрашивал:

— Как держимся? Может, сменить?

— Никак нет, товарищ командир! Выдержу!

Шли по скоростью три-четыре узла. На рассвете должны были достичь острова Цусима, где происходила героическая схватка моряков русской эскадры с японским флотом в Корейском проливе. Грохот ударов волн о борт корабля воспринимался юнгой как эхо орудийных залпов броненосцев, он будто отчетливо слышал голоса русских матросов, ведших неравный бой с врагом. И вот вновь, спустя сорок лет, туда направляются наши суда, чтобы громить его.

Городецкий с особой силой почувствовал свою причастность к тем далеким событиям, гордость за свою Советскую страну. Это по ее приказу он и его боевые друзья здесь дают отпор японским агрессорам. Война с Японией шла уже неколько дней. Экипаж «Ревностного» уже принимал участие в ряде боевых операций, сопровождал десанты. Накануне вечером стало известно, что готовится новый десант, и Юра Городецкий обратился к командиру боевой части:

— Прошу включить меня в десантный отряд!

— А все ли обдумал, юнга? Путь неблизкий, опасный, не известно, как там встретят десант.

— Я не из трусливых!

— Ну, что ж, одобряю! — согласился командир. — Такие, как ты,— сильные, выносливые,— и нужны. Иди, готовься!

Городецкий едва дождался утра. Их — десять матросов и старшин — построили на юте. Они стояли перед командиром корабля взволнованные, улыбающиеся. Рулевые, мотористы, связисты, комендоры, минеры. Все, как на подбор, рослые, крепкие.

— Вы будете включены в состав отряда моряков-десантников, — сказал командир. — Не уроните чести своего корабля, будьте решительными в бою. Желаю вам удачи!

К борту подошел базовый катер.

— Эй, на «Ревностном»! Десантники, на катер!

На катере уже находились добровольцы с других кораблей. Они с шутками и прибаутками встретили новичков: «Не забыли ложки и вилки?», «Берем только веселых и находчивых, и тех, кто много каши ел!»

На базе морской авиации, куда их доставил катер, уже находился основной десант — несколько сот моряков со всех флотов. У многих на груди сверкали ордена и медали, на рукавах — знаки ранений. Юра обрадовался, оказавшись среди таких бывалых моряков, с которыми можно идти в огонь и воду.

Всем новичкам выдали автоматы, карабины, гранаты, ножи. И началась инсценировка штурма укрепленной зоны. После нескольких часов занятий плотно пообедали, получили сухой паек. И тут Юру ждал сюрприз — встретил своего двоюродного брата Валентина Кузовкина. Правда, он попал в состав второго отряда, но все равно здорово, что вместе с ним летит родной человек.

Посадка на гидросамолеты началась уже вечером. Вскоре взлетели. Юра удобнее устроился на полу, подложив под себя бушлат. Он задремал — сказались дневные волнения. Через час матросов разбудил командир группы, стал объяснять боевую задачу. Они летели в город — порт Дальний и Порт-Артур!

— Мы должны высадиться на рейде в акватории порта Дальний и на резиновых лодках добраться до причалов, — сказал командир. — Атаковать порт будем с ходу!

— Товарищ лейтенант! — обратился к командиру Юра. — А где мы сейчас находимся?

— Под нами Японское море, затем пересечем Корейский полуостров, где находятся японские войска, затем — Желтое море. Всего более тысячи километров.

Десантники еще не знали, что 6-я гвардейская танковая армия Дальневосточного фронта уже овладела центром Маньчжурии — Мукденом и Чанчунем и, развертывая наступление, устремилась в направлении городов Дальний и Порт-Артур. Противник поспешно отступал, взрывая мосты, электростанции, железные дороги.

И вот летит морской десант с задачей не допустить эвакуации японских войск через эти порты, не дать им увести находящиеся там транспортные суда.

Около пяти часов продолжался полет. Когда замигали сигнальные лампы над кабиной пилотов, раздалась команда:

— Приготовиться к высадке! Проверить снаряжение!

Все разом зашевелились, пришли в движение.

Самолеты один за другим высадились в море, и десантники, спустив лодки на воду, быстро устремились на них к берегу, ловко работая веслами. Когда приблизились до него на расстояние двух-трех кабельтовых, враг открыл по ним огонь из пулеметов и пушек. Пули засвистели и над лодкой, где сидел Городецкий. Вскрикнув, упал его сосед. Открыли ответный огонь.

Десанту удалось приблизиться к причалам. Главное теперь — зацепиться за берег. Карабкаемся на причалы. Экипаж нашей лодки, потеряв двоих, тоже выбирается наверх и бросается в атаку. Накал боя нарастает, в ход идут гранаты, в том числе привотанковые, минометы, иначе не разрушить доты, дзоты. Сплошной гул взрывов, треск пулеметного огня. Страха уже нет, разгоряченные боем, мы медленно продвигаемся вперед. Потеряли счет времени. И вот, наконец, бой стал затихать. Уже, оказывается, наступили сумерки. День прошел как один миг. Враг отступил в городские кварталы. Мы занимаем круговую оборону и устраиваем привал. Беремся за НЗ, кипятим чай. Как вкусна эта простая пища: кусок хлеба, консервированная колбаса, галеты! Засыпая, подумал о брате: как там у них, в Порт-Артуре?

Следующее утро принесло радостную весть: Порт-Артур тоже наш! На Золотой горе развевается советский военно-морской флаг! Впоследствии фотография наших товарищей, водрузивших там флаг, обошла все газеты.

С сигнального поста вдруг крикнули:

— Боевая тревога! Приближаются американский крейсер, несколько эсминцев!

Американские эсминцы встали на рейде, а крейсер подошел к причалу. Несколько офицеров с корабля спустились

на пирс, к ним подошли наши команиры. После нескольких минут переговоров на берег высыпали матросы в белых беретах. Обстановка разрядилась.

— Ол райт, рашен! — хлопали союзники по спинам наших десантников, показывая большой палец и угощая нас сигаретами.

Американцы, очевидно, никак не ожидали увидеть здесь невесть откуда появившихся советских моряков, развевающийся военно-морской флаг над советской военной комендатурой. И шумным радушием, улыбкой старались скрыть свою досаду. В полдень снялись с якорей и направились в море.

А к вечеру с востока к городу подошли советские войска и после короткого ожесточенного боя обратили в бегство японцев. На следующий день десантников расписали по трофейным судам, чтобы отремонтировать их. Юрия Городецкого вызвали к командиру десанта капитану I ранга Трипольскому.

— Спасибо, юнга, хорошо дрался! От лица командования флота объявляю благодарность!

— Служу Советскому Союзу!

— А пока назначаетесь командиром буксира. Подробную инструкцию получите от коменданта.

Целыми днями пыхтел его буксир в акватории порта, перемещая баржи, транспорты, таская баржи с грузом в Порт-Артур. Там Юрий встретился с двоюродным братом. Они поднялись на Золотую гору, долго стояли, рассматривая с «птичьего полета» город.

И вот теперь, после освобождения Дальнего и Порт-Артура, Городецкий и его товарищи ведут трофейные суда во Владивосток.

Будет что вспомнить Юрию потом. Нет, что ни говори, повезло ему, простому казанскому пареньку. А попал он в школу юнг так. Учился в ремесленном училище, работал на заводе по десять часов в сутки, выполняя заказы фронта. И все мечтал попасть на фронт. Услышав случайно о наборе в школу юнг, поспешил в военкомат.

— На фронт хочешь? — встретил его грозный капитан.

— Нет, в школу юнг хочу записаться.

— Ну, хитрец! — улыбнулся капитан. — Туда ведь спортсмены нужны.

— А я в футбол играю, занимаюсь в кавалерийской школе.

— Ну так и быть, пиши заявление.

После окончания школы, через год, состоялось распределение. Многие из кабинета, где заседала комиссия, выходили расстроенные.

И Юра посчитал тогда, что его обидели, послав на Тихоокеанский флот, подальше от фронта. Он еще не знал, что на Дальнем Востоке не менее тревожно: японские милитаристы готовились напасть на Советский Союз, сконцентрировали для этого в Маньчжурии миллионную армию. Общая же численность вооруженных сил Японии превышала в то время семь миллионов человек, она имела более ста кораблей разных классов, около шести тысяч боевых самолетов.

...С Юрием Семеновичем мы сидим за большим столом, рассматриваем фотографии, документы, вспоминаем боевых друзей, общих знакомых — тихоокеанцев. За окном тихо шелестит зеленая листва берез, кленов. Разговор от военных воспоминаний постепенно переходит к нынешнему дню. Городецкий заведует отделом одного из спортивных клубов Татарии, часто участвует в различных водно-спортивных соревнованиях в качестве судьи всесоюзной категории. Более тридцати пяти лет он уже отдал развитию спорта в Татарии. Мы с ним знакомы с пятидесятых годов, но каждый раз в нем открываю для себя все новые и новые черты, интересные грани его характера.

А характер у него флотский — упрямый, настойчивый. С водными видами спорта он подружился в школе юнг. Затем на эсминце «Ревностный» постоянно участвовал в шлюпочных гонках, завоевывал призы. После окончания войны с Японией его перевели на эсминец «Рьяный», назначили физоргом корабля. А после демобилизации стал инструктором в морском клубе ДОСААФ. Учил ребят морскому делу, организовывал кружки в Казани, проводил соревнования, в которых участвовал и сам.

Знакомясь с содержимым папки, среди трех десятков почетных грамот, дипломов я нашел несколько пожелтевших от времени газетных вырезок. Среди них была и вот эта из «Советской Татарии» за 1950 год: «Празднование дня ВМФ в разгаре: начались интересные соревнования — гонки на гребных ялах, — говорилось в заметке. — На дистанции 10 кабельтовых лучшее время показала команда морского клуба ДОСААФ в составе А. Наумова, А. Кубасова, Ю. Городецкого». Еще одна вырезка — фотоснимок: на переднем плане Ю. Городецкий с мячом в атаке ворот соперников по водному поло. Обнаружил я тут и газету «Боевая вахта» Тихоокеанского флота, где напечатан отчет

с концерта самодеятельных артистов, где тоже упоминается он: «Много поработал танцевальный коллектив под руководством старшины 1-й статьи Городецкого. Танцоры — матросы Хмельницкий и Самойлов — вместе со своим руководителем хорошо исполнили «гопак» и «русский перепляс». Через несколько дней этот коллектив выступит на флотской сцене».

Юрий Семенович по-прежнему неутомим, энергичен, с головой погружен в общественные дела, организацию различного рода спортивных соревнований, встреч с молодежью.

— Как это вас на все это хватает? — не удержавшись, спросил я его однажды.

— Морской характер! — улыбнулся в ответ Городецкий.

КАРАПЕТ

В. Василевский

Не воин еще — карапет.
Ему четырнадцать лишь лет.
А он ведь будущий радист,
Электрик, боцман, моторист.

Когда пройдет учебный год,
Он в море грозное уйдет.
Он будет Родине служить,
Морскою честью дорожить.

НАГРАДА МАРШАЛА

Давно утих студенческий гомон в аудиториях и коридорах, разошлись преподаватели, лаборанты, и в просторном кабинете заведующий кафедрой Казанского сельхозинститута М. Л. Зинченко остался один. Сюда уже неторопливо вползали зимние сумерки, размывая очертания предметов. Михаил Леонтьевич присел отдохнуть после лекции, расслабился, стал смотреть в серое окно, над которым нависли голые ветки тополя. Было приятно думать о прошедшем дне, встречах, беседах с молодыми. И тут он вспомнил, как обратился к нему днем секретарь комитета комсомола с просьбой выступить перед студентами, преподавате-

лями с воспоминаниями о Великой Отечественной войне в День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Зинченко дал согласие. О чем же конкретно рассказывать молодым? Он перенесся мыслями в дни своей боевой молодости, и кабинет наполнился грохотом взрывов, голосами боевых друзей-товарищей...

В праздничный день Михаил Леонтьевич надел свой выходной костюм с приколотыми наградами и появился в актовом зале перед самым началом торжественного собрания. И сраду ощутил приподнятость, торжественность обстановки — принаряженные студенты и преподаватели, приглушенный гул зала, неторопливая настройка инструментов оркестра. Все это остро напомнило ушедшую молодость, пьянящую радость Победы в далеком сорок пятом, на миг высветило в зрительной памяти лица павших в бою товарищей. Будто и они вместе с ним вошли в этот торжественный зал...

Встретивший Михаила Леонтьевича секретарь комитета комсомола поздравил с праздником и пригласил занять место вместе с другими преподавателями-фронтовиками за столом президиума. Ведущий объявил о начале собрания.

Рассеянно слушая докладчика, Зинченко стал думать о том, с чего начать свое выступление, чтобы сразу заинтересовать зал. Скажет, естественно, о том, как воевал, что испытал, пережил. Наверное, надо будет сказать, что вся его послевоенная жизнь прошла в этих стенах, о трудных путях становления ученого, о воспитании студенческой молодежи... Но как сразу найти точные, проникновенные слова, которые дошли бы до сердца каждого сидящего в зале, взволновали их? Ему вдруг показалось, что там сидят совсем незнакомые юноши и девушки, не те, с которыми он ежедневно встречается, читает им лекции. И он стал внимательно всматриваться в их лица. Вот во втором ряду сидят несколько любимых его учеников. Самостоятельных, думающих. И все же как мало знает он их! О чем они думают, мечтают, чем занимаются в свободное от занятий время? Вот посидеть бы с ними за чашкой чая, потолковать обо всем с будущими хозяевами земли, сказать им об огромной ответственности их профессии... Жаль, все не хватает времени, все недосуг. Спешим на лекции, спешим сесть за отчеты, подолгу заседаем. И так день за днем. А ведь что греха таить, немало среди молодых и людей равнодушных, апатичных. Отчего они такие? Может, оттого, что не испытали голода и холода, живут на всем готовом, обложенные магнитофонами, проигрывателями, купленными на папины

и мамины деньги? Немало и таких, которые действительную военную службу считают тяжкой повинностью, стараются всеми правдами и неправдами уклониться от призыва в армию. «В этом, пожалуй, виноваты и мы, старшие», —упрекнул себя Зинченко. Не нашли ключ к их сердцам, вырастили равнодушными.

До войны и в годы его юности патриотизм был ярко выражен. В армию ребят провожали с музыкой. Каждый парнишка гордился тем, что научился на «гражданке» метко стрелять, дальше всех метать гранату. Михаил Леонтьевич Зинченко говорит о том, с какой гордостью носил он значки БГТО, ПВХО, «Ворошиловский стрелок», азартно постигал науку борьбы с танками. И был страшно обижен, когда его не взяли в школу юнг.

— Подрасти малость, потом поговорим, — сказали ему в военкомате.

Но в следующем, 1943-м году, когда Михаилу исполнилось пятнадцать лет, его включили в список будущих юнг, и он вместе с сорока девятью другими мальчишками отправился в дальний путь. Первую остановку сделали в Москве. Она осталась в мальчишечьей памяти сказочным видением, озаренным всполохами разноцветных огней салюта.

— Было это вечером пятого августа 1943 года, — говорит Михаил Леонтьевич. — Мы сошли с поезда и вышли на Комсомольскую площадь. Вдруг небо Москвы взорвалось разноцветными огнями. Еще и еще. Высоко над головами расцветали огромные синие, красные, зеленые, оранжевые букеты фейерверка. На улице замерло движение, площадь заполнилась народом. Рядом с нами остановились двое военных. Я тихонько потянул одного из них за рукав и спросил: «Дяденька, что это такое?» — «Это салют в честь войск, освободивших города Орел и Белгород».

На следующее утро будущие юнги поехали дальше, на Север, но у всех в сердцах горела искра победного салюта, которая помогала им переносить все тяготы суровой жизни. Суровой, но романтичной была та жизнь. В школе юнг Миша учился на одни «пятерки», после ее окончания попал на один из тральщиков Черноморского флота, где быстро освоил технику, легко подружился с новыми товарищами. В первые же дни ощутил там грозное дыхание войны: на глазах погибли его однокашники Витя Коновалов и Саша Ковалев, служившие на канонерской лодке «Ахтуба».

— Это произошло уже после освобождения Севастополя, где мы базировались, — уточняет Михаил Леонтьевич. — До мельчайших подробностей помню последнюю встречу

с ними накануне. Собравшись на пирсе, мы вспоминали свою школу юнг, наставников, грустили о доме, мечтали о будущем. Утром, когда вновь уходили на траление, «Ахтубы» уже на рейде не было. Вечером после ужина я вышел на палубу, стал ждать возвращения друзей. Время тянулось томительно. Наконец я увидел приближавшийся силуэт знакомого корабля, экипажу которого было дано задание обстрелять вражеские береговые батареи. Вот корабль уже совсем близко от нас, швартовая команда вышла на палубу, слышна усиленная рупором команда: «Отдать носовой!» Вижу, как ушел под воду якорь. И вдруг огромный фонтан воды взметнулся в небо и обрушился на судно, увлекая его под волны. Я с ужасом смотрел на происшедшее и потрясенно ждал, что вот всплывет судно или матросы с него. Но море успокоилось, на поверхности его не было ни корабля, ни людей. Оказалось, что тяжелый корабельный якорь угодил прямо в притаившийся пакет вражеских мин.

Еще об одном драматическом случае рассказал Михаил Леонтьевич. Он тогда служил на подлодке «Л-5». Корабль уже несколько дней крейсеровал у берегов Румынии, потопил крупный вражеский транспорт, но вскоре лодка сама подорвалась на мине. Моряки отчаянно боролись за жизнь корабля и сумели довести его до базы. Там начинались ремонтные работы, а Михаил, воспользовавшись вынужденным «отпуском», знакомится с матросами стоящего рядом тральщика и упросил их взять его с собой в море. После подхода он остался на тральщике и рассказал новым друзьям о гибели однокашников и поклялся помочь очистить море от мин на тральщике.

Во многих походах участвовал Зинченко, видел гибель тральщиков, подорвавшихся на мине, когда они днем и ночью несли дозор, обеспечивая безопасность участников совещания глав трех великих держав в Ялте. А сколько волнений пережил Михаил, когда тральщикам приказали обеспечить безопасный переход эскадры Черноморского флота при его возвращении из Поти в Севастополь.

Фронт все дальше уходил на запад, оставляя в глубинах моря тысячи различных мин. Тральщики водили за собой караваны судов и барж с военным грузом уже по Дунаю, да и сами нагружались до предела снарядами для «катюш», часто подвергались атакам вражеских самолетов.

Следующей служебной вехой для юнги стал электромагнитный тральщик 12/70, куда его направили в качестве

флагманского радиста. Боевоей работы у минеров было невпроворот, что было даже не до сна. И юнга в свободное от вахты время шел к минерам, чтобы помочь им чинить электросеть тралов. Да так увлекся этим делом, что стал заправским минером.

...Освобождены приморские города Болгарии, Румынии. Но частые шторма и ветры пригоняли к берегам все новые и новые всплывшие мины. На них подрывались корабли, лодки, они несли смертельную угрозу людям на берегу, купающимся. Для уничтожения этих мин командование создало мелкие маневренные группы, зона действия которых охватывала около четырехсот километров — от Сулина до Бургаса. Руководителем одной из групп был назначен уже опытный минер Михаил Зинченко.

В один из дней ему сообщили, что в районе Дома отдыха офицеров, недалеко от города Констанцы, обнаружены две плавающие мины. Зинченко со своим напарником Михаилом Синявским немедленно выехал на место. Мины плавали в метрах семидесяти от пляжа. Процедура уничтожения мин несложна: подплываешь к ней, подвешиваешь подрывной патрон, поджигаешь запальный шнур и спешишь к берегу. Вот и вся мудрость. Но каждый минер знает, как это опасно.

— На катере не подойти — большая волна, на шлюпке еще опаснее, — вслух рассудил Зинченко. — Придется, мой друг, добираться вплавь. Согласен?

— Другого выхода нет,— согласился Синявский.

— Тогда патроны, шнур, спички — в бескозырку. Ты берешь левую мину, я — правую. Только укороти шнур — твоя мина хоть на минуту должна взорваться раньше. Ясна задача?

— Ясна!

— Тогда поплыли!

...Едва успели вернуться на берег и спрятаться за укрытие, как раздался мощный взрыв: одновременно вздыбились два огромных черно-серых фонтана воды.

— Что же ты?! — упрекнул Зинченко напарника.

— Волна, долго не мог накинуть патрон на рогатую, времени много потратил. Вижу, ты уже отплываешь, и не успел срезать шнур...

— Эх ты! Надо было сначала укоротить его. Теперь держись: вон какой гром устроили.

Не успели они одеться, как к ним подбежал запыхавшийся офицер в сопровождении двух солдат с автоматами.

— Кто здесь старший? — спросил он сердито.

— Я, товарищ подполковник. Главстаршина Зинченко.

— Маршал Советского Союза Толбухин, который здесь отдыхает, объявляет вам по десять суток ареста!

— Есть десять суток ареста! — ответил Зинченко и спросил: — Извините, за что?

— Сами не поняли? Все стекла от взрыва в Доме отдыха вылетели. Чуть не поранило маршала, который сидел у окна.

— Так ведь мы предупредили, чтобы открыли все окна!

— Доложите своему начальнику о наказании!

— Есть доложить!

Что делать, доложили моряки о происшедшем командиру базы Герою Советского Союза капитану I ранга Рыбакову. Объяснили ситуацию. Он пообещал разобраться. Через несколько дней пригласил минеров к себе и, ничего не объясняя, протянул Михаилу Зинченко наручные часы. Синявскому объявил десять дней отпуска с выездом на родину.

— Мы растерялись, — вспоминает Зинченко. — Стоим и молчим.

— Что надо сказать в таких случаях? — напомнил командир.

— Служим Советскому Союзу! — отчеканили мы одновременно.

На крышке часов было выгравировано: «За отвагу при обезвреживании вражеских мин. От маршала Толбухина».

Потом Зинченко рассказали, как было дело. В Доме отдыха после взрыва поднялся переполох. Рассерженный маршал потребовал к себе начальника Дома отдыха.

— Что у вас тут происходит? — грозно спросил он.

— Матросы хулиганят! — стушевался подполковник.

— По десять суток ареста от моего имени! — рассердился маршал. — Идите, выполняйте!

...Еще не раз Михаилу Зинченко пришлось встречаться лицом к лицу со смертью. В памяти навсегда сохранился такой эпизод. Лето 1951 года было в разгаре. Берега Крымского полуострова утопали в зелени, звенели детскими голосами пионерские лагеря. На кораблях шли напряженные учебные будни. В штабе флота Зинченко получил задание обезвредить всплывшую на главном фарватере одесского рейда мину. На берегу его уже ждал матрос с легким яликом. Михаил тщательно проверил снаряжение: подрывной патрон, обвязанный пеньковым шкертом, спички, папиросы — и перешагнул борт ялика. Когда до мины осталось несколько метров, матрос развернул лодку кормой вперед,

Михаил удобнее лег грудью на транцевую доску. Еще несколько осторожных гребков — и легкое суденышко закачалось почти в метре от огромного шара, покрытого темно-бурой слизью. И шлюпка, и мина затанцевали рядом. Кто кого? Малейшая оплошность — и для двух молодых людей, уцелевших в жестоком смерче войны, навсегда погаснет солнце. Понимая всю опасность, гребец был чуток, умело подтабанивал веслами лодку, удерживая ее на месте. Но Зинченко долго не мог закинуть петлю с подрывным патроном на один из рожков — шлюпка и мина прыгали в разлад. Надо было ждать, чтобы они закачались в унисон. Для этого Михаил левой рукой стал придерживать мину, будто успокаивая ее, потом ловко закинул петлю: «Давай!»

Матрос подал Михаилу зажженную папиросу, а тот затянулся разок и приложил огонек к запальному шнуру, подождал, пока он не зашипит. И слегка махнул рукой: «Пошли, у нас с тобой семь с половиной минут времени!» Когда они были почти у берега, раздался взрыв, неожиданно громкий для этого мирного, солнечного дня.

— Хорошо бы, чтобы это было последнее эхо войны! — произнес Михаил.

Возмужавшим вернулся юнга Михаил Зинченко домой. Флот дал ему все: знания, опыт жизни, трудолюбие, любовь к Родине. Вернувшись на «гражданку», он экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости, а потом поступил в сельскохозяйственный институт, с которым связал всю свою последующую жизнь.

ШКОЛУ ОКОНЧИЛИ МЫ

Слова А. Клеймана
Музыка Г. Кунина.

Не среднюю школу
А школу на море
В суровые годы
Окончили мы.
И лет не в семнадцать
Всего лишь в пятнадцать
Учили мальчишек
Водить корабли.

Припев:

Бескозырки с бантиком
Положены романтикам.
Положены по званию,
Точнее, по призванию.

В военных уставах
Нет званья такого,
И какому в пятнадцать
Представить могли.
С походов пришли
командиры лихие
И званья присвоили
юнгам войны.
Не только словами,
А больше делами
Военным наукам
Учил старшина.
Торпеда, машина,
Морзянка и мина,
Учеба на море,
На море — война.

Припев:

Нам шторм Соловецкий
Совсем не помеха.
И белое море
Вскипает в ночи.
Нам северный ветер
Не портит погоды,
Ведь он закаляет
Мальчишек в пути.

Припев:

МОЙ ДРУГ ВОЛОДЯ

Не часто встречаюсь я с Володей Симоновым, хотя мы оба и живем в Казани. Все некогда. Демобилизовавшись после восьми лет службы на Тихоокеанском флоте, он старался наверстать упущенное в годы войны, закончил вечернюю школу, а потом учился в авиационном техникуме, откуда его направили на один из московских заводов. Там Володя проработал пять лет и, вернувшись домой, поступил в КХТИ. Получил диплом специалиста по автоматизации производственных процессов, до самой пенсии проработал на одном из казанских заводов в должности старшего инженера. Так прошли годы, пока мы не встретились в школе № 94.

...Был май далекого 1945 года. Я был списан с крейсера и направлен во флотский экипаж, где формировалась спецкоманда для приема кораблей, передаваемых нам США. Получив новое обмундирование и держа его в охапке, мы присели на скамейке. С утра стояла ясная солнечная погода. Лучи отражались на ленте бескозырки моего нового то-

варища, где золотом сверкало «Военно-Морской флот». Я узнал, что его зовут Володя Симонов и что он три года служил на быстроходном тральщике «Веха», входившем в состав кораблей охраны водного района Тихоокеанского флота. Я знал «Веху» хорошо. Она редко простаивала у причала, покидая город сразу на три-четыре месяца. Встречали мы ее и в Японском море, и в Татарском проливе, в бурлящем Охотском, у берегов Камчатки. Мы, моряки, служившие на крупных кораблях, порой незаслуженно свысока смотрели на эти малые суда. И зря. Именно на них вырастали настоящие моряки. Они возвращались домой с огрубевшими руками, иссеченными солеными ветрами лицами, и почти разучившимися ходить по земле. Они привозили множество разных историй, которых заслушаешься. Володя был как раз из таких. И мы подружились и, оказалось, на всю жизнь.

И вот настал день отправки спецкоманды в Америку. Экипажи наших кораблей были построены перед главным корпусом во дворе, а ровно в десять вышли на центральную улицу Владивостока. Во главе каждого экипажа шли командир, его заместитель по политчасти, другие офицеры, за ними несли военно-морской флаг. А когда все десять команд вытянулись на улице, заиграл сборный духовой оркестр, и тысячеголосый матросский хор потряс дома. Услышав его, открылись окна, распахнулись двери балконов, куда высыпали жители, тротуары в считанные минуты оказались заполненными народом. Еще бы, такого город давно не видел. Многие, конечно, знали, куда направляются моряки, бросали цветы, махали платочками.

Рядом со мной гордо шагал Володя Симонов. О чем он думал? Тревожился ли, покидая Родину? Ведь впереди были тысячи миль неизвестности, штормы, различные опасности, и наверняка нас подстерегали японские подводные лодки. Совсем недавно стало известно, что в проливе Лаперуза они потопили наше транспортное судно. Колонны моряков прошли несколько километров по самой длинной магистрали города до морского порта. Остановились у самого борта грузо-пассажирского судна «Феликс Дзержинский», высившегося над причалом. Одно лишь название этого огромного корабля вселяло в нас уверенность, что с нами ничего не может случиться, оно было как бы гарантией безопасности. Тем более около тысячи матросов и офицеров впервые оказались безоружными в роли пассажиров. Мы ходили по судну, знакомились с его устройством, членами экипажа, купались в просторном бассейне. А после ужина

обычно собирались в укромном уголке корабля, мечтали о будущих походах, пели песни. Володя Симонов рассказывал о родной Казани, о своем детстве, о матушке-реке Волге. Пошли мы, как и ожидали, Татарским проливом, более безопасным, как нам казалось, чем пролив Лаперуза. Но тут нас поджидали штормы, сильные ветры. Вскоре эстафету приняло Охотское море, славившееся своим неспокойным нравом.

Однажды рано утром мы проснулись от тишины — не гудели привычно турбины, не слышен был шум волны, прекратилась качка. Выскочив на верхнюю палубу, мы увидели вокруг себя высокие зеленые холмы. В самой глубине бухты виделся маленький городок. Это была военно-морская база США Датч-Харбор. А с парохода уже уходил представитель местных властей —морской офицер в фуражке с высокой тульей, с кокардой-орлом.

— Ол-райт! — отдал он честь и сбежал по парадному трапу и ожидаемому его катеру со звездно-полосатым флагом на корме.

Около двух с половиной месяцев мы пробыли в США, изучая корабельную технику: сначала в учебном центре, где нам читали лекции американские специалисты, а потом уже на корабле. Нижнюю команду — машинистов, электриков, трюмных, рулевых и штурманских электриков — поселили вместе с американскими матросами, где они начали осваивать приборы, принимали документацию. За прошедшие дни мы подружились с американцами, играли с ними в шахматы, они помогали нам изучать английский язык, а мы им — русский. Веселил обе команды американский кок, который, коверкая русские слова, говорил, обращаясь к нам:

— Русский команда, кушать!

И когда настал долгожданный день, обе команды были выстроены на верхней палубе друг против друга. Матросы и офицеры в парадной форме. На солнце сверкают до блеска надраенные пуговицы, бляхи, горят красные звездочки на бескозырках и фуражках. Вот американский и советский командиры приветствуют друг друга, произносят речи, полагающиеся в таких случаях, переведенные на русский и английский языки, обмениваются рукопожатием. Звучат гимны США, Советского Союза.

Это означало, что наша учеба окончилась, и мы стали хозяевами на этом корабле, возвращаемся к родным берегам.

Когда официальная церемония передачи корабля закончилась, нас окружили американские матросы и младшие командиры. Начался обмен сувенирами. Наших коллег больше всего интересовали красные звездочки на наших бескозырках. Володя вручил свою матросу-электрику, с которым работал последние две недели. Тот, приняв подарок, заговорщицки улыбнулся и приколол звездочку на отвороте лацкана куртки-бушлата. Затем продемонстрировал, как он будет смотреть на нее, когда захочет. А так, мол, никому не придет в голову, что он носит символ Советского Союза. Он заявил, что сохранит сувенир надолго, будет помнить русских моряков и Володю.

По корабельной трансляции прозвучала команда: «Корабль к походу и бою изготовить!», а потом — «По местам стоять, со швартовых сниматься!» С большой радостью мы заняли свои боевые посты и стали выполнять команду. Эскадра в составе десяти фрегатов и катеров охранения медленно вытянулась из гавани на внешний рейд и вскоре оказалась в океане. Скрылись вдали берега. Корабли, перестроившись в две кильватерные колонны, взяли курс на Родину. Шли уже много часов, менялись вахты на боевых постах, стемнело, когда на траверзе оказались Командорские острова. Тут и прозвучала боевая тревога: акустики обнаружили шум винтов подводных лодок. Эскадра перестроилась, чтобы затруднить атаку подлодок, продолжали движение по курсу, готовые в любой момент открыть огонь, обрушить на врага глубинные бомбы, дать залп из 24-ствольных минометов-бомбометов. Суда же охраны район предполагаемого местонахождения лодок бомбили уже для профилактики. То и дело на глубине взрывались огромной силы мины, выбрасывая на поверхность огромную массу воды и пламени.

Петропавловск-Камчатский встречал нас тихим солнечным утром. В просторной гавани, окруженной лесистыми холмами, мы простояли почти сутки, гуляли по лесу, побывали в городе, радуясь, что мы, наконец, на родной земле. Здесь и солнце будто светило нежнее, и листья шелестели приветливее, и воздух был напоен другим ароматом. Впереди нас ждали неистовое Охотское море, бурный Татарский пролив, Японское море с его штормами. Когда все это осталось позади, поздним вечером мы оказались в тихой бухте Золотой Рог. Город Владивосток будто ожидал нас, встретил иллюминацией множества огней. Из парка культуры и отдыха донеслась мелодия вальса. Утром мы с Володей прогулялись в порту, полюбовались нашими

кораблями, которые выстроились как на парад. Только потемневшие борта судов говорили о том, что они прошли много тысяч миль по неспокойному океану. Скоро начнется аврал: будем приводить корабль в надлежащий вид, чтобы встретить береговое начальство во всем блеске. Надо проверить технику, опробовать распределительный щит, находящийся в гидропосту, почистить контакторы, заменить коекакие детали. Володя отвечал по боевому расписанию за питание энергией всех штурманских приборов, зенитных батарей, установки глубинных минометов-бомбометов.

Шел третий день войны с Японией. Где-то на юге гремели орудия, грохотали танки. Здесь, во Владивостоке, объявлена готовность номер один, то и дело звучат сигналы тревоги. Вечерами город погружается в темноту. Бесшумно снимаются корабли с места и уходят на боевое задание. Вечером у нас сыграли большой сбор. И уже через минуту Володя Симонов втиснулся в свое место в строю на верхней палубе. Перед строем появился командир корабля.

— Смирно! — негромко скомандовал старпом. — Товарищ капитан третьего ранга, личный состав корабля построен по большому сбору!

Приняв рапорт, командир повернулся лицом к строю и заговорил:

— Товарищи матросы, старшины и офицеры! Настал час и для экипажа нашего корабля — получен приказ идти в бой. На нас возлагается вместе с другими кораблями задание начать освобождение многострадального корейского народа от японских захватчиков. Слушайте приказ...

По кораблю прозвучала трель боевой тревоги, строй распался, все побежали по боевым постам, начали проверку механизмов, приборов. Один за другим последовали доклады на мостик:

— Первая боевая часть к походу и бою готова!

— Пятая готова!

— Третья готова!

— Вторая готова!

Началась посадка на корабль морских пехотинцев с их вооружением: пушками, минометами, ящиками с боеприпасами. Десантники, обвешанные автоматами, ручными пулеметами, пулеметными лентами, гранатами, устраивались по-хозяйски, с помощью боцманов крепили вооружения по-походному. Повсюду слышался тихий говор, голоса команды, смех, звон котелков. Вскоре по корабельной трансляции раздалось:

— По местам стоять, со швартовых сниматься!

В походе, в бою нижняя команда не видит, что происходит наверху, ее задача — обеспечивать жизнедеятельность корабля, его служб. И Володя, находясь на своем посту, только догадывался о происходящем вокруг, не видел, что на рассвете торпедные катера, которые вели корабли на буксире, ушли в направлении порта Юки, первого города на восточном побережье Кореи. Он слышал только глухие взрывы, артиллерийскую стрельбу и все. Только после отбоя боевой тревоги он поднялся наверх, увидел большую бухту, где стояли полузатопленные транспорты. Бой ушел за город, над морем ярко светило солнце. «Наверное, торпедные катера поработали», — подумал он. Его корабль ЭК-10 был пришвартован к борту полузатопленного грузового транспорта.

«Вот и кончился первый бой», —подумал Симонов, следя, как артиллеристы чистили орудия, зенитчики задрали стволы своих пушек к небу в ожидании налета вражеских самолетов. Вдруг одна из зениток затарахтела — со стороны солнца появилась группа самолетов. К ней присоединились другие, зазвенел сигнал боевой тревоги. Где-то почти рядом взорвалась бомба. Володя заспешил вниз, на боевой пост. Вскоре был получен приказ идти в Порт-Артур. И наши корабли вновь оказались вместе — сопровождали конвой. На траверсе острова Цусима все свободные от вахты матросы, старшины и офицеры были построены на верхней палубе. Здесь 27 мая 1905 года произошел жестокий бой русской эскадры с японским флотом. В честь павших в нем прогремел артиллерийский салют. В Порт-Артуре мы пробыли долгих три года. На дальних рубежах Родины берегли покой советского народа, повышая свое боевое мастерство. Пребывание в Порт-Артуре было для нас, потомков, стойко защищавших эту русскую цитадель, уроком мужества. Еще совсем недавно казавшийся очень далеким подвиг русских воинов, о чем мы знали разве что лишь по скупым строкам истории, а позднее по книге А. Н. Степанова «Порт-Артур», стал близок и дорог. Мы ходили по едва заметным траншеям, редутам, бастионам, восстановленным кое-где. Трагическая история битвы оживала перед нами, становились ближе и понятнее солдаты, которые здесь стояли насмерть за Россию. Побывали мы и на месте гибели генерала Р. И. Кондратенко, ставшего душой обороны города. Молча постояли, сняв бескозырки и фуражки. Такие минуты не забываются.

Дни проходили за днями, заполненные учебой. В один

из таких дней из дома пришло долгожданное письмо такого содержания: «Дорогой сынок! Шлем тебе горячий привет. Получили твое письмо, рады, что ты жив и здоров. Для нас самой большой новостью было то, что ты в Порт-Артуре. Ведь и твой отец в период русско-японской войны находился там, воевал. Ты теперь, наверное, ходишь по тем же улицам, где он ходил. Побывай на укреплениях, где оборонялись наши солдаты в той войне. Если можешь, пришли фотографии тех мест, чтобы я могла посмотреть. Был бы отец жив, радовался бы, что вы со своими товарищами отомстили самураям за все его страдания».

Я был взволнован этим сообщением и побежал к Володе Симонову. Прочитав письмо, он воскликнул:

— Вот это да!

В тот день мы с ним поднялись на Перепелиную гору и сфотографировались у крепостного орудия. Бывая на различных укреплениях, я пытался отыскать гильзы. Однажды мы поднялись на Золотую гору, которая возвышается у входа в залив, ходили по развалинам бастионов, траншеям, осмотрели единственное оставшееся орудие. Отсюда, с горы, виден весь внешний рейд базы. Сорок лет назад там стояли броненосцы, крейсера. Под Тигровой горой трагически погиб броненосец «Петропавловск», где держал свой флаг адмирал Макаров.

...Все это вновь ожило в памяти, когда я встретил Володю Симонова среди ветеранов-юнг.

— А как ты попал в школу юнг? — поинтересовался я.

— Как все.

Как и все его сверстники военной поры, Володя рвался на фронт. Узнав в комитете комсомола завода, где работал, о наборе ребят в эту школу, поспешил в райком комсомола.

— Принеси записку от родителей, что они не возражают против твоей учебы в школе юнг, — сказали там.

Недолго думая, Володя сам написал ее, покорявее расписался за полуграмотную мать. В райкоме комсомола записка подозрений не вызвала.

НАСТАВНИК

Памяти друга, учителя
Николая Юрьевича

Наставник. Кто такой наставник?
Он друг, товарищ по труду.
Он в жизнь нам открывает ставни,
По жизни рядом с ним иду.

МОРЯК ВСЕГДА МОРЯК

Двухэтажное здание морского клуба ДОСААФ «спряталось» в глубине двора, на берегу Казанки. Чудесно здесь летом. С одной стороны — тихая зеленая улица Подлужная, с другой — голубой водный простор. У самой воды лежит на боку старый катер. На нем можно посидеть, любуясь синей далью, рыбаками-любителями, застывшими на своих резиновых лодках с удочками в руках. И, конечно, интересно понаблюдать за водолазами-курсантами.

Вспомнив приглашение ветерана-юнги Василия Иринарховича Казарина, я приехал в клуб повидаться с ним. Прошел через сложный лабиринт коридоров и открыл дверь в помещение бассейна. Он сидел за столом и следил за действиями своих учеников. Время от времени что-то отмечал в тетради, переговаривался со своим помощником. Увидев меня, поманил рукой к себе. Я молча устроился рядом с ним и стал наблюдать за происходящим.

...На водной поверхности показался темно-зеленый шлем с овалом стекла для обзора, потом водолаз, похожий в своем облачении на морское чудище, стал медленно подниматься по трапу. Его окружили товарищи и стали снимать снаряжение.

— Товарищ инструктор! Курсант Шайхутдинов вышел из воды,— доложил он Казарину.

— Добро! Как самочувствие?

— Нормальное.

Василий Иринархович что-то отметил в тетради.

— Товарищ инструктор! Курсант Ахметзянов к спуску готов. Давление в аппарате 130, трехкратную промывку произвел. Обеспечивающий курсант Колюшкин.

И Ахметзянов в водолазном костюме подтвердил готовность к выполнению учебного задания взмахом руки.

— Отставить.

Инструктор подошел к курсанту, лично проверил снаряжение, что-то подтянул, заново закрепил.

— Вот так. Теперь пошел!

Работали три поста. Василий Иринархович внимательно следил за действиями подопечных, готовый в любой момент подсказать, вмешаться самому.

Так прошло около трех часов. Когда все 36 курсантов выполнили очередное учебное задание, объявили перерыв. Ребята, пришедшие сюда из средних школ, ГПТУ, пред-

приятий и учреждений, окружили Казарина, который, похвалив их за старательность, выставил всем отличные оценки.

— Чему вы уже научились?— спрашиваю курсантов.

— Мы уже заканчиваем учебу. И научились, естественно, ходить под водой. Можем самостоятельно готовить снаряжение, пользоваться им, освоили правила водолазной службы.

— Часто спускаемся под воду. Очень нравится,— сказал курсант Андрей Руденко, учащийся ГПТУ-13.

— А еще можем работать под водой: рубить, пилить, соединять фланцы, искать предметы,— похвалился Илья Мякушин.— Все это пригодится в армии. Призываюсь уже этой весной.

Андрей Руденко, Альберт Батталов и еще несколько ребят признались, что хотят идти в танковые войска.

— Почему в танковые? — удивился я.— А зачем же тогда на водолазов учились?

— Разве вы не знаете, что танки теперь стали земноводными?— пошутили они.

— А я только на флот,— заявил Илья Мякушин.— Вот Виктор тоже со мной.

Василий Иринархович не вмешивался в нашу беседу, молча с улыбкой стоял рядом. Но по выражению лица его можно было понять, что он горд за своих учеников.

— Молодцы, ребята,— сказал он потом, когда ребята ушли.— Скоро закончат учебу, получат дипломы и разъедутся. За них я спокоен — в армии им будет гораздо легче: они получили хорошую физическую и моральную подготовку. А если и попадут на флот, буду рад вдвойне, увидят красоту подводного мира и не изменят этой трудной профессии.

Водолазное дело Казарин освоил еще в годы войны в Севастопольской водолазной школе, а в 1958 году, после демобилизации, окончил школу инструкторов ДОСААФ в Москве, получил диплом наставника водолазного дела и подводного спорта. Учит молодежь морскому делу вот уже двадцать лет. Мы вместе стали считать, сколько же у него воспитанников. Оказалось, более семисот. Многие из них давно отслужили срочную, большинство же осталось на сверхсрочной. Служат на Черном, Балтийском морях, в Северном Ледовитом, Тихом океанах. Пишут письма, когда приезжают на побывку, обязательно приходят в родную школу, чтобы повидаться со своим первым наставником.

На днях заходил прапорщик Виктор Николаев. Сверхсрочник. Тоже учит молодых воинов водолазному делу. Очень доволен выбранной профессией, рассказывает Казарин. Встретился с моими курсантами, поведал им много интересного, поделился опытом работы под водой.

Василий Иринархович по-отечески добр к своим воспитанникам и в то же время требователен. Водолазное дело не терпит и не прощает расхлябанности, безалаберности. Как он подружился с морем? В свое время, считает Казарин, ему очень повезло. В 15 лет был зачислен в школу юнг Северного флота. Как?

— Все взрослые ушли на фронт, большой яблоневый сад совхоза «Масловский» остался без хозяина. Меня назначили туда,— вспоминает он.— В моем рапоряжении оказалось шесть лошадей, шесть культиваторов. Я и старался за шестерых. В июле 1942 года меня пригласили в райком комсомола.

— Хочешь учиться в школе юнг?

— Конечно, хочу! — отвечаю.

Вскоре Василий был уже на Соловецких островах. До сих пор он хорошо помнит свою первую встречу с комиссаром школы Сергеем Сергеевичем Шаховым.

— Зашел он к нам в кубрик поздней осенью сорок второго. На улице было уже холодно.— Молодцы! — похвалил он.— У вас тепло, уютно, койки хорошо заправлены. Трудно пришлось поначалу? Теперь ваша задача быстрее освоить воинскую науку, чтобы сподручнее было бить врага. А то, что вы побьете его,— я уверен!

— Скорей бы,— сказал кто-то.— А что, если досрочно сдать все экзамены?

— Досрочно? — улыбнулся Сергей Сергеевич.— Считайте, что вы уже сдали один экзамен, построив свою школу. Теперь о вас знает вся страна, ждут вас на флотах. Следующий экзамен сдадите, когда попадете на действующий флот. Он будет намного труднее, потребует большой отдачи. Здесь необходимы и сила воли, и выдержка, и ум, и, конечно, физическая подготовка.

Комиссар помолчал, вглядываясь в лица ребят, и добавил:

— Выдержите и этот экзамен! Вы же комсомольцы!

В тот же вечер юнги долго не могли уснуть, каждый думал о чем-то своем. На улице завывал холодный ветер, в кубрике тихо гудела «буржуйка», куда время от времени дежурный подбрасывал поленья.

Беседа с комиссаром не пришла для ребят бесследно. Они серьезнее стали выполнять учебные задания, строже нести караульную службу. Не хныкали, когда было трудно, не замечали мозолей на руках от весел.

— Наши шлюпки и баркасы хранились на берегу залива, что в четырех километрах от школы,— продолжает Казарин.— Мы там дежурили по очереди: с утра до утра — сутки. Бывало, страшно одному, но держались. Днем здесь всегда бывало многолюдно, с утра начинались занятия. Мы изучали премудрости морского дела, но с особым удовольствием учились ходить на шлюпке, знали, что гребля лучше всех других видов спорта закаляет организм, наращивает мускулы и вырабатывает чувство товарищества, морской характер.

С улыбкой Василий Иринархович вспомнил такой эпизод. Однажды в разговор тренировки по гребле кто-то из ребят предложил сходить к рыбакам, попросить рыбы для ухи. То-то кок будет доволен! Рыбацкая база недалеко — на противоположном берегу залива, в каких-то шести кабельтовых. Старшой согласился, и ребята с усердием налегли на весла. Увлекшись греблей, они не заметили, как на глазах усиливается ветер, срывая белые барашки с гребней. Когда добрались до берега, по морю вовсю гуляли волны. Рыбаки похвалили ребят за смелость и умение, угостили ухой, горячем чаем и кинули в шлюпку дюжину крупных рыбин. Когда отправились назад, шлюпку стало заливать водой, все промокли, но никому в голову не пришла мысль переждать непогоду у рыбаков. Давно исчезли из виду рыбачьи домики, впереди едва белели башни старой крепости на острове. В единоборстве со стихией прошло около часа, может, больше. Вдруг впередсмотрящий увидел шлюпку, идущую навстречу. За рулем сидел начальник школы Н. Ю. Авраамов. Очевидно, он не выдержал и вышел на поиск затерявшейся шлюпки с юнгами.

— Помощь требуется?— крикнул он, сделав вид, что встретились случайно.— Может, взять на буксир?

— Не-е-т!— дружно ответили юные гребцы.— Мы сами дойдем!— И так нажали на весла, что забыли и о шторме.

Школу юнг Василий Казарин окончил с отличием: мечтал скорей попасть на Черноморский флот. Но ему предложили сначала послужить в Волжской военной флотилии, помочь очистить главную водную артерию страны от мин. Вместе с ним приехали еще 28 юнг. Сошли с поезда ночью. Они знали, что Сталинград сильно разрушен, но то, что увидели утром, потрясло до глубины души. Не

пожалел Василий, что попал именно сюда: ребята внесут свою лепту в восстановление легендарного города. Радиста Казарина назначили на тральщик, и с первого же дня начались боевые будни. Затем он служил на штабном тральщике «Костриков», обеспечивал связь с кораблями бригады, штабом флотилии, расположенным южнее. Доставляли для экипажей снаряжение, питание, перевозили раненых. Часто самим приходилось идти на задание с опущенными тралами, чтобы не нарваться на мину. После окончания работ по очистке Волги бригаду расформировали, Казарина перевели на Черное море. Здесь он стал хозяином радиорубки малого охотника МО-85. В те годы часто звучали сигналы тревоги, и МО-85 в любую погоду выходил в море. Провожали транспорты с грузом, десантные суда, тащили на буксире торпедные катера, охраняли их, когда они ходили в атаку на вражеский конвой, ставили дымовые завесы, гонялись за подводными лодками противника. День Победы экипаж корабля встретил в море, выполняя боевое задание. Но для малых кораблей война еще не кончилась, надо было очистить глубины Черного моря от мин — магнитных, якорных, акустических. Предстояла долгая, кропотливая работа. И юнга Василий Казарин вновь занял радиорубку тральщика. Бригада, в составе которой находился его корабль, должна была очистить огромную зону от Новороссийска до Анапы. Маленькие суденышки с их мужественными экипажами утюжили и утюжили море квадрат за квадратом, пока не выловили все смертоносные шары.

Василий Казарин уезжал домой в Казань весной 1950 года с чувством выполненного долга перед Родиной, товарищами, которые учили его воинскому мастерству. Перед отъездом попрощался с морем — долго стоял на высоком берегу, заново переживая схватки с врагом, вспоминая павших товарищей. Чуть ли не с железнодорожного вокзала направился в морской клуб ДОСААФа. Переступив его порог, шутливо отрапортовал:

— Товарищ капитан второго ранга, старшина первой статьи Казарин прибыл для дальнейшего прохождения службы. Демобилизован с Черноморского флота.

— Вот и молодец,— приветствовал его начальник клуба.— Нам нужны такие люди, надо обучать молодежь. Какая у вас специальность?

— Радист.

— Вот и принимай радиостанцию клуба! Хоть сейчас приступай к работе.

Так вот и бросил «якорь» здесь Казарин, проработал все свои послевоенные годы. Сначала начальником радиостанции, старшим командиром-инструктором, руководителем водолазной школы. А когда узнал, что вернулся его однокашник по школе юнг Юрий Городецкий, послал записку с приглашением работать вместе.

И теперь, выйдя на заслуженный отдых, Василий Иринархович не расстается с подростками.

— Составлен проект новой школы,— делится он планами.— На месте этих старых домов появятся современные корпуса с просторными залами, отличным водным бассейном для водолазов. По берегу Казанки протянутся благоустроенные причалы для малых судов клуба.

Из всех послевоенных наград за труд Казарин особо дорожит Почетной грамотой, подписанной бывшим Главнокомандующим Военно-Морским Флотом СССР адмиралом Горшковым: «За активное участие в пропаганде военно-морских знаний среди членов ДОСААФ и подготовку членов общества по морским специальностям».

Нашу беседу прервал курсант:

— Товарищ инструктор! Разрешите вести группу в класс!

— Добро!

Со сдержанной улыбкой Василий Иринархович смотрит на ребят: верится ему, что толковыми, надежными станут людьми. У него уже не стали взрослыми сыновья, старший служит на флоте, недавно получил очередное звание капитана третьего ранга.

НА ОТКРЫТИИ МУЗЕЯ

Для ветеранов юных и друзей
Для всех, кто есть, кто будет здесь по праву,
Мы открываем памятный музей
Матросской чести, доблести и славы!

Здесь нет полотен и скульптур,
Совсем иного плана экспонаты.
Но в каждом отблеск отшумевших бурь,
И в каждом луч какой-то светлой даты.

Глазами тех, кого меж нами нет
Они глядят с поблекших фотографий.
Итог борьбы тех славных лет
Дороже нам надгробных эпитафий.

«ДАЕШЬ НАШУ МАТРОССКУЮ!»

По одной из астраханских улиц шагал мальчишка. Он разглядывал афиши, читал объявления. Остановился, увидев вывеску «Военкомат», и уверенно шагнул в дверь. Это был Виль Байкин. После окончания семи классов в 1942 году он стал обивать пороги военкомата, желая попасть на фронт.

— Ты опять здесь?— встретили его там с усмешкой.— Слушай, Байкин, скажи, какой из тебя солдат — от горшка два вершка? И специальности никакой...

Значит, нужна специальность... А какая? Спросить постеснялся. Однако вскоре ему повезло: удалось устроиться на курсы телеграфистов. Спустя четыре месяца уже работал на центральном телеграфе монтером. Профессию освоил быстро.

— Виль, посмотри, что-то не тянет,— просили его.

— Разрешите посмотрю,— солидно говорил он, принимаясь за дело. Повозившись немного, он произносил:— Принимайте свой аппарат.

— Спасибо, мастер! — звучало в ответ.

Но мысли о фронте не оставляли Виля. Он часто наведывался в военкомат — все безрезультатно. Чтобы чем-то помочь армии, решил организовать группу самодеятельных артистов, выступать в ее составе в госпиталях. Все ближе к солдатам. Тем более опыт у него был. Еще в мирное время во Дворце пионеров отплясывал «яблочко» и занял одно из первых мест в областной олимпиаде. В 1940 году его даже на Всесоюзную олимпиаду школьников посылали, где он завоевал приз — путевку в «Артек».

Горком комсомола поддержал Байкина, и он сколотил небольшую концертную группу. После выступлений ребята помогали раненым писать письма, слушали их рассказы о войне.

Так прошла первая военная зима. Байкин и его друзья продолжали выступать с концертами в госпиталях и давно стали «своими» в военкомате. Однажды военком лично поблагодарил Виля за концерты и неожиданно предложил:

— А ну-ка покажи свое искусство!..

Виль под ободряющие возгласы сотрудников военкомата лихо отплясал «яблочко».

— Молодец!— похвалил его военком.

Байкин же хитро улыбался: за вами будет долг, товарищ военком. Когда был получен приказ о наборе ребят в школу

юнг ВМФ, его зачислили в нее одним из первых. Через месяц он уже находился в школе.

— Через несколько дней нас отправили в Сталинград, где находился сборный пункт. А спустя месяц были уже на Соловках,— вспоминает Виль Зулькарнеевич.— Матери же оставил записку.

В памяти Байкина оживают события тех лет.

...Стояла осень 1943 года. На всех фронтах шли жестокие сражения. На одном из причалов Поти, главной базы Черноморского флота, появился бравый морячок с лихо сдвинутой на затылок бескозыркой. На ленте надпись: «Школа юнг Северного флота». Юнга с восхищением разглядывал боевой корабль. Виль Байкин, а это был он, решительно поднялся по трапу, отдал честь флагу и представился вахтенному:

— Юнга Байкин прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Юнга быстро изучил расположение служб, помещений корабля, узнал о том, что орудия крейсера громили врага под Одессой, Севастополем; экипаж участвовал в пятидесяти крупных боевых операциях, отличился при высадке десантов в районы Одессы и Керчи. Байкин зауважал свой корабль, старался быть достойным членом экипажа, четко нес вахту. Одним из памятных был поход к крымским берегам для обстрела вражеских позиций. Это была дуэль с береговыми батареями. Бой шел уже второй час, когда шальным снарядом сорвало антенну средневолновой радиостанции корабля и прервалась связь со штабом эскадры. В это время на радиовахте был Байкин. Тотчас же по корабельной радиостанции раздался голос старпома:

— Юнга Байкин и юнга Стеблев, на мостик!

Когда они бегом поднялись на мостик, получили приказ восстановить антенну. Зацепив за поясной ремень конец витой запасной антенны, Байкин стал проворно карабкаться по скобтрапу на мачту. Следом поднялся и Стеблев. Вдвоем подтянули провод, и Байкин полез на рею, не заметил, как добрался до фарфоровых изоляторов. Не торопясь закрепил конец антенны. Теперь там, внизу, натянут ее, закрепят, и заработает рация. Виль свободно вздохнул и кинул взгляд вниз. И тут только дошло до него, что находится на большой высоте. Охватил страх, о чем секунду назад и не ведал. Пока был занят делом, ему и в голову не приходило, что можно бояться высоты. К тому же ощутил, что мачта описывает многометровую дугу — поднимался ветер, и корабль сильно покачивало, как во время

шторма. Он крепко обхватил рею, замер, боясь сорваться вниз. И тут услышал голос старпома, усиленный мегафоном:

— Юнга, вниз! Только успокойся — и осторожно назад!

Долгим показался ему этот путь по рее. Казалось, прошла целая вечность, пока ногами он ощутил леерные стойки марсовой площадки. Опустившись на настил, виновато посмотрел на товарища.

— Молодец!— похвалил его Стеблев.— Быстро справился. Я бы не смог...

— Струхнул маленько я,— признался Виль, но почувствовал, что преодолел в себе психологический барьер, и теперь, если нужно, не устрашится идти на самое трудное дело...

Немало боевых походов совершил экипаж крейсера, пока не пришла победа. На Черном море стало спокойно, уже не слышались вой вражеских самолетов, грохот орудийных выстрелов. На корабле начались учебные будни, тренировки по скорости приема радиограммы, возобновились утренние физзарядки... Но Виль Байкин знал, что моряки трального флота продолжают боевые операции по очистке от мин морских глубин. И напросился в гидрографический отряд, которому была поручена очистка фарватеров, побережья в районах портов Ейск, Таганрог, Мариуполь, Керчь.

Маленький кораблик, где теперь служил юнга, рано утром уходил в море, матросы ставили вешки, поделив море на квадраты, пронумеровали их для удобства траления. И тральщики, получив задание, ходили весь день, как пахари, повторяя движение по одному и тому же «следу» порой до двадцати раз, пока на этом последнем галсе не срабатывала фашистская мина. Такая однообразная работа утомляла, держала моряков в постоянном напряжении. Над морем часто грохотали гулкие взрывы в тралах. Взлетали в воздух порой и сами тральщики, гибли люди и в эти мирные дни.

Эта тяжкая работа продолжалась еще около шести лет после окончания войны. И все эти годы, как и в войну, звучали сигналы боевой тревоги, экипажи круглосуточно несли вахту. Завершения этих работ ждали и военные корабли, и суда торгового флота. Байкин вернулся домой только в начале пятидесятых годов.

Виль Зулькарнеевич из тех, кто, полюбив однажды море, остается верным ему на всю жизнь. В школьном музее мое внимание привлекла небольшая фотография, с которой

смотрел совсем еще юный моряк с лукавыми, чуть озорными глазами. Мне кажется, Виль Байкин сохранил в себе эти черты юности. Он остался таким же общительным, готовым поддержать шутку, задорно сплясать «яблочко». Короче говоря, остался, образно говоря, юнгой бессрочной службы.

* * *

На высоком, крутом берегу Волги стоит небольшой дачный домик, выделенный Вилю Зулькарнеевичу исполкомом Верхнеуслонского райсовета народных депутатов в годы, когда он был болен и в общей сложности два года провел на больничной койке. Когда ему бывало особенно тяжело, он приезжал сюда, долгие часы просиживал перед домом, наблюдая за рекой, за теплоходами, вспоминая прожитые годы. Встать на ноги ему помогли друзья-фронтовики. Теперь этот домик в шутку называют базой отдыха бывших соловецких юнг-казанцев. У многих из них на висках седина, но все они продолжают трудиться, участвуют в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Сейчас Вилю Зулькарнеевичу 64 года, но он не уходит в отставку, продолжает трудиться — является начальником отдела рекламы Казанского завода ЭВМ. Сослуживцы знают его как человека добросовестного, принципиального, бескорыстного (замечу, что он ни разу не воспользовался вне очереди санаторной путевкой, хотя и очень нуждался в лечении, не предпринимал попыток улучшить свои жилищные условия, несмотря на то, что семья из пяти человек проживает в двух маленьких смежных комнатах). И он никого ни в чем не винит.

Виль Зулькарнеевич находит радость в другом, и прежде всего в общении с людьми. А в этом отношении ему повезло — у него сотни юных друзей. Его активная деятельность по патриотическому воспитанию подрастающего поколения началась с «сюрприза».

— ...Как-то заскочил домой пообедать, а там полно гостей,— рассказывает ветеран.— За столом сидят пионеры с учительницей. Супруга моя угощает их ароматным чаем, пирогами. Очевидно, обо мне кое-что уже успела рассказать. Увидев меня, ребята притихли, потом кто-то из них спросил:

— Вы действительно были юнгой?..

— Да,— отвечаю,—был. Учился в Соловецкой школе юнг Северного флота...

Ребята пришли в восторг. Учительница Клара Васильевна Маевская пояснила, что они разыскивают юнг Северного флота и что пионерский отряд четвертого «В» класса казанской средней школы № 94 избрал своим героем павшего в бою с гитлеровскими кораблями юнгу Сашу Ковалева и будет бороться за право носить его имя.

И Виль Байкин тоже начал поиск. Первым нашел Юрия Городецкого, а затем Валентина Крючкова. Позвонил своему другу, тоже бывшему юнге, а теперь главному инженеру одного из крупных предприятий Казани Равилю Гильфанову, ставшему лауреатом Государственной премии СССР, чтобы узнать, нет ли у них на заводе ветеранов-юнг Северного флота. Когда к назначенному часу Байкин явился туда, его уже ждала целая группа бывших воспитанников школы юнг ВМФ: конструктор Ибрагим Валиуллин, заместитель начальника цеха Анатолий Харитонов, заместитель начальника отдела Лев Казанский, механик Михаил Галкин, электрик Геннадий Просвирнев, испытатель аппаратов Анатолий Балабанов, токарь Анатолий Романов.

— Как вам не стыдно, друзья,— журил их по-дружески Байкин,— работать рядом и не встречаться друг с другом. Не по-флотски это!

Байкин был избран руководителем казанской секции ветеранов Соловецкой школы юнг ВМФ. Помню их первую встречу в школе № 94, состоявшуюся пятнадцать лет назад. Взрослые мужчины волновались, как дети, у многих были слезы на глазах. Была торжественная пионерская линейка, ветераны делились воспоминаниями. Первым выступил Байкин.

Так началась дружба ветеранов-юнг с пионерами отряда имени Саши Ковалева. Она продолжается и по сей день. Число «найденных» ветеранов-юнг достигло почти шестидесяти. Многие из них активно помогают школьникам в пополнении музея боевой славы, оформлении стендов, в организации военно-патриотической работы, деятельности вновь созданного морского клуба ДОСААФ, где занимаются около ста подростков, проведении походов на шлюпках, поездок по местам боевой славы. Одну из таких поездок мальчишек на Соловецкие острова возглавил Байкин. За патриотическое воспитание подрастающего поколения он награжден Почетным знаком ЦК ВЛКСМ и Почетной грамотой Главного политического управления Военно-Морского Флота.

...Недавно встретил Виля Зулькарнеевича за прилав-

ком магазина «Радиотехника», что на проспекте Ибрагимова в Казани.

— Что вы тут делаете?— с удивлением спрашиваю его.

— Как видите, я тоже активный участник перестройки. Провожу выставку-продажу изделий нашего завода. Вот, полюбуйся, наш магнитофон-приставка высшего класса «Идель»,— показывает он на прибор, возле которого столпились покупатели.

Вот такой он, Виль Байкин. Не стареющий душой, беспокойный ветеран-юнга, преданный идеалам своей юности.

ПАМЯТНИК НА ОСТРОВЕ

Н. Смирнов

Есть памятник на острове одном,
Тот остров в северных широтах.
Наш флаг навечно прикреплен на нем,
Под флагом бриг в соленых волнах...

БЫЛИ СХВАТКИ БОЕВЫЕ

Первый день войны отчетливо врезался в память бывшего юнги Ибрагима Хамидулловича Валиуллина. Из бездонного синего неба солнце сыпало теплыми лучами, мы занимались своими ребячьими делами. И вдруг из репродуктора, висевшего на столбе на одной из улиц Теньков, услышали: «Сегодня в четыре часа утра без объявления войны германские вооруженные силы вторглись в пределы нашей страны, подвергли бомбардировке города Киев, Одессу, Севастополь...» Не верилось: яркое солнце и вдруг бомбы! Потом все годы войны Ибрагим хранил в сердце слова, услышанные по радио: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» И никогда в этом не сомневался.

Валиуллин вспоминает, как теньковских подростков, в том числе и Ибрагима, вызвали 23 июня 1941 года в военкомат и поручили срочно разносить повестки. Это для них было первое боевое задание. Вскоре опустели улицы большого села — мужчины ушли на фронт. Да и мальчишек вроде стало меньше — они заменили ушедших на войну

отцов и старших братьев на колхозных полях. Ибрагим стал работать на опытном участке плодово-ягодной станции вместо отца.

Так прошел год. Однажды Ибрагим раньше обычного отправился на работу, запряг лошадей и начал рыхлить междурядья молодых яблонь, думал о письме отца, о положении на фронтах. И не заметил, как появилась в саду секретарь Теньковского райкома комсомола Софья Савосина.

— Молодец, хорошо работаешь!— услышал он вдруг.— Даже жалко отпускать тебя!

— Куда отпускать?— удивился Ибрагим.

— Хотим послать тебя в школу юнг. Хочешь?

— Куда? В какую школу?

— На военного моряка учиться!

— А когда?

— Вот тебе бумага и ручка. Пиши заявление о направлении в школу юнг Военно-Морского Флота.

Прямо в саду, подложив портфельчик секретаря, Ибрагим торопливо написал заявление. Потом Софья сказала Ибрагиму:

— Жди. Пригласим!

И пришел день, когда будущих юнг собрали в Казани и посадили на пароход. Их сопровождал военный моряк.

— Куда же вы, детки, едите в такую пору?— спрашивали сердобольные старушки.

— На фронт, бабушка!— гордо отвечали мальчишки.

Но прежде был древний Архангельск, первый морской порт России, где в 1693 году Петр I основал адмиралтейство, а на острове Соломбале заложил судостроительную верфь. На Соломбальском флотском экипаже мальчишек переодели в морскую форму — выдали широченные штаны, форменки, бескозырки. Ночевали уже на Соловках в бывшем монастыре, где располагался учебный отряд флота. Утром их построили во дворе и сказали:

— Теперь мы отправимся в свою школу, где вы и будете учиться.

По лесным дорогам, мимо чудесных озер будущие юнги прошагали более двух часов и добрались до какого-то селения. Это было Саватеево. Ну, а где же школа? Может, этот двухэтажный дом? Пока же раскинули палатки, а потом — усталые — погрузились в сон.

Незаметно пролетел год. Ибрагим Валиуллин заслужил звание боцмана. Теперь он все знал, все умел, чтобы вести корабельное хозяйство. По совместительству он будет

и артиллеристом, и минером, и торпедистом, и сигнальщиком.

В холодный октябрь 1943 года он ступил на палубу тральщика № 107 охраны водного района Северного флота, принял участие в ряде боевых операций в качестве дублера боцмана. А спустя три месяца его назначили полновластным боцманом торпедного катера. С этого времени вся его военная судьба была связана с героическими катерниками.

* * *

Побудку в то утро сыграли раньше времени. Ибрагим быстро оделся и поднялся на палубу катера. Вставало багровое солнце, осветив море косыми лучами, отчего оно выглядело то чуть рыжеватым, то свинцово-ватным. Зрелище было настолько красочным, что юнга ахнул от восхищения.

Бригада торпедных катеров капитана I ранга А. Кузьмина стояла в глубине бухты, в Пумманах, прикрытая от северных ветров многокилометровой гористой косой полуострова Рыбачий, под защитой мощных береговых батарей, зенитных установок. Море мирно плескалось у гранитных берегов, резвились чайки за кормой, будто войны и не было. Но когда любоваться всем этим, если хочешь воспользоваться отпущенной передышкой и навести порядок в корабельном хозяйстве. И боцман с помощью матросов приступил к делу. Спустя некоторое время вылез из моторного отсека юнга Алексей Болдырев и стал приставать к нему с вопросами.

— Товарищ боцман! Верно, скоро в море?

— Отстань, тебе делать нечего, что ли? — отмахивался тот.

— У меня все в порядке! — не лез в карман за словом юнга.

— Тогда бери краску, кисть и пройдись по правому борту, чтоб как новенький был. Задача ясна? Тогда выполняй!

Весь день экипаж занимался делом, готовя механизмы, вооружение к походу. К вечеру, когда вроде все работы уже были выполнены, хотя на корабле они никогда не кончаются, матросы собрались на берегу, уселись удобно на камнях. Говорили, как это бывает в минуты отдыха, о том о сем, ну и, конечно, о доме, любимых девушках, от которых не дождешься писем. Потом пели

про скалистые горы, зовущие на подвиг, в суровый и дальний поход.

Уже стемнело, когда было получено сообщение о том, что у восточного побережья полуострова Варангер движется большой конвой немцев, в составе которого несколько транспортов, немало военных кораблей. «Значит, что-то важное везут, если так крепко охраняют»,— решили в бригаде и объявили боевую тревогу. Для наблюдения за движением вражеских судов севернее островов Варде ушли три катера под командованием начальника штаба 3-го дивизиона Антонова. Затем еще два катера под командованием старшего лейтенанта Павлова отправились с заданием поставить мины на пути конвоя севернее военно-морской базы противника Киркенес. Было ясно, что конвой направляется туда, где сосредоточились фашистские войска. Остальные катера стали ждать сигнала.

И вот получен приказ: выйти в море для нанесения удара по конвою. Взревели моторы, заглушив все шумы вокруг, и юркие, грозные корабли устремились к выходу из бухты, в направлении на запад. Через час первый эшелон ударной группы из четырех катеров во главе с капитан-лейтенантом Решетько, в составе которого был и ТК-204, на котором служил Ибрагим Валиуллин, приблизился к мысу Кибергнес, чтобы здесь перехватить конвой. Но их обстреляли немецкие береговые батареи. Отряд отвернул на север, в сторону островов Варде.

Катера двигались строем уступа. Головным шел ТК-205, где находился командир группы, чуть за ним с двух сторон мчались ТК-241 старшего лейтенанта Домысловского и ТК-242 старшего лейтенанта В. Быкова, ныне Героя Советского Союза, контр-адмирала. Замыкал группу катер ТК-204 старшего лейтенанта Л. Киреева. На ходовом мостике ТК-204 рядом с командиром стоял молодой боцман Ибрагим Валиуллин. Холодный ветер колол лицо, настойчиво забирался под реглан, заставляя вздрагивать от холода.

Катера соблюдали полное радиомолчание и потому юнге Валиуллину пришлось принимать все сигналы, приказы и передавать командиру, отрепетировав сигнальными флагами. При этом он во все глаза смотрел вперед, в светлеющую ночную дымку. Вскоре он обнаружил темные силуэты больших судов и, обращаясь к командиру со словами:

— «Вижу конвой!» — поднял сигнальные флаги.

Кораблей конвоя было много — больше тридцати. Они

занимали весь горизонт. Видимо, ночью укрывались между островами, поэтому и не были замечены патрульными катерами. А теперь двинулись по узкому проливу, чтобы проскочить к Киркенесу под охраной береговых батарей. И вот перехвачены нашими торпедными катерами. Заметив их, корабли охранения конвоя стали выпускать опознавательные ракеты. С советских катеров тоже последовали такие же сигналы. Не разобравшись толком, что происходит, враг открыл огонь. И тотчас в эфир пошло сообщение, что конвой обнаружен.

Когда корабли ударной группы собрались вместе, а это было примерно в два часа ночи, командир бригады приказал начать общую атаку, а 242-му приказал поставить дымовую завесу. И катер Быкова вырвался вперед, за ним потянулись густые клубы дыма вдоль конвоя. Когда на катере уже готовились отвернуть, впереди возник концевой тральщик охранения врага. Командиру катера Быкову ничего не оставалось как произвести торпедный залп. Тральщик взорвался и исчез в пучине вод.

Вскоре утренний бриз отогнал завесу от конвоя. Последовал новый приказ:

— 204-му поставить дымовую завесу!

Теперь ТК-204 помчался мимо десятков вражеских кораблей, каждый из которых бил по катеру из пушек и пулеметов, стремясь уничтожить его.

— Боцман, к установке!— приказал командир катера.

Валиуллин в одно мгновение оказался на корме и по сигналу с мостика открыл кран дымообразующей установки. И густой дым повалил за кормой катера. Используя завесу, пошли в атаку другие катера. Экипаж Желвакова, пробив дымовой шлейф, обнаружил впереди себя на дистанции десяти кабельтовых вражеский эсминец и сторожевик. По эсминцу дали залп из двух торпедных аппаратов. Разорвав темень яркими вспышками, торпеды разбили корабль вдребезги, что грозное судно со всем экипажем в считанные секунды исчезло с «лица» моря.

Но вот ветер развеял дымовую завесу, и вражеские корабли усилили огонь по катерам. Все ближе и ближе разрывались снаряды, на катерах появились раненые.

— Боцман, дымовую завесу!— вновь услышал Ибрагим приказ командира, очутившись на корме, стал выбрасывать за борт дымовые шашки. Плотная стена заграждения и на этот раз помогла катерникам. Завершив на большой скорости циркуляцию, старший лейтенант Киреев повел свой катер в атаку приказав:

— Боцман, к левому аппарату!

У правого торпедного аппарата по боевому расписанию встал сам торпедист. Когда пробили дымовой заслон, прямо по курсу показался вражеский транспорт. Ведя огонь из пушек и пулеметов, ТК-204 приблизился к нему на дистанцию трех-четырех кабельтовых, откуда по сигналу с мостика Ибрагим нажал на перепускной клапан выстрела одновременно с командиром, управлявшим выстрелом с помощью рычага. Обе торпеды тяжело плюхнулись в волны и, опережая катер, устремились к цели. Два мощных взрыва прогремели одновременно, едва катер успел отвернуть назад.

В этот момент все услышали еще два глухих взрыва, увидели всполохи пламени. Это экипаж катера лейтенанта Павлова двумя торпедами потопил еще один транспорт. Вскоре произошел новый взрыв — это после атаки экипажа катера старшего лейтенанта Шкутова из состава группы капитана 3-го ранга Коршуновича, подошедшего к месту боя, был уничтожен тральщик, а затем и сторожевой корабль противника.

В этом скоротечном бою трудно было проследить за общей картиной схватки, ведь в ней участвовало около пятидесяти кораблей разных классов и судов с обеих сторон. Над морем стояла мощная канонада от выстрелов орудий, взрывов снарядов, торпед. При этом корабли носились почти в сплошном дыму, но диктовали ход боя советские катерники, нанося все новые удары, сея панику в рядах противника. Только после того, как были израсходованы все торпеды, катера стали выходить из боя.

И в этот момент, когда будто бы опасность миновала, по рации все услышали голос командира ТК-203 Карташова. Он сообщал, что его катер получил сильное повреждение и тонет, просил срочно снять команду. Услышал этот зов и старший лейтенант Киреев. Он резко повернул свое судно назад и помчался туда, где вражеские эсминцы, сторожевые корабли и катера все еще вели яростный огонь по уходящим советским катерам. И вот одинокий катер пошел им навстречу, ведя по гитлеровцам огонь из обеих пушек. Боцман Валиуллин строчил из крупнокалиберного пулемета. Катер рыскал по всем направлениям, но знакомый силуэт катера товарищей не обнаружил. Только убедившись, что ТК-203 уже не спасти, моряки вышли из боя.

Искали потерпевших бедствие и некоторые другие экипажи, но тщетно. Уже потом стали известны обстоя-

тельства гибели экипажа ТК-203. Протараненный вражеским эсминцем, катер потерял ход, на корабле возник пожар. Вскоре к катеру подошли немецкие сторожевики, окружили и стали расстреливать беспомощное судно со всех сторон. Катер затонул, продолжая отвечать огнем, все его моряки погибли в неравном бою, но не спустили флага. Вместе с экипажем этого катера погиб и парторг второго дивизиона лейтенант Петр Попков, которого все успели полюбить. Оказывается, еще в начале боя он был ранен, а при таране его выбросило за борт. Гитлеровцы попытались было захватить его в плен, но лейтенант Попков стал стрелять в своих «спасателей» из пистолета. Последнюю пулю он приберег для себя, предпочтя смерть плену.

Товарищи Попкова отомстили за его смерть. Противник в том бою потерял два крупных транспорта с военным грузом и войсками, два эсминца, три тральщика, шесть сторожевых кораблей и один сторожевой катер. Еще одному транспорту и сторожевому катеру врага были нанесены серьезные повреждения.

На другой день на палубе катера выстроились моряки. Командир соединения капитан I ранга Кузьмин зачитал приказ командующего Северным флотом о награждении членов экипажа. Прозвучали и слова, обращенные к Ибрагиму:

«За мужество и отвагу, проявленные в бою против фашистских захватчиков, наградить орденом Красной Звезды юнгу Валиуллина». После этого командир вручил ему высокую боевую награду.

Возмужавшим, повзрослевшим вернулся Ибрагим Валиуллин домой, в Казань. Шел 1950 год. Поступил на работу на завод (теперь авиационное производственное объединение имени Горбунова). Став слесарем-сборщиком, подал заявление на вечернее отделение Казанского авиационного института и в 1959 году получил диплом инженера, после чего возглавил конструкторскую группу одного из крупных заводов Казани. И вот уже тридцатый год занимается любимым делом, после боцманского на военном корабле, к которому он тоже был неравнодушен.

Что же можно сказать о человеке, прошедшем, как говорится, огни и воды, проработавшем на одном месте много-много лет? Конечно же, он еще и примерный семьянин, любит своих детей, внуков, много времени уделяет их воспитанию. И они души не чают в нем.

Любовь к морю у Валиуллина осталась на всю жизнь. Он уже три раза ездил на Соловецкие острова, в Архангельск и часто рассказывает об этих поездках ребятам из пионерского отряда имени юнги Саши Ковалева. Коллекционирует марки с изображением судов, начиная от парусных и кончая современными военными кораблями. В квартире Валиуллиных на видном месте красуется макет торпедного катера. Именно на таких катерах служили многие юнги — выпускники Соловецкой школы, самоотверженно сражавшиеся с врагом в суровых условиях Баренцева моря.

А сражались они с фашистами для того, чтобы над землей всегда светило мирное солнце. Чтобы можно было спокойно учиться. Каждый день ходить на работу. А на досуге побродить по зеленым лугам и лесам. Посидеть на берегу Волги с удочкой. Петь песни у костра.

ГДЕ ЖЕ ВЫ, ТОВАРИЩИ-МАЛЬЧИШКИ?

Где ж вы, товарищи-мальчишки,
По тревожной юности друзья?
Нам досталось в молодости слишком,
И об этом позабыть нельзя.

Я мечтаю всех увидеть снова,
С кем учился и войну прошел,
С кем делился хлебом, солью, словом,
С кем в десант я снова бы пошел.

Где ж вы, товарищи-мальчишки,
По тревожной юности друзья?
Нам досталось в молодости слишком,
И об этом забывать нельзя.

«НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО!»

Прошли десятилетия после победного салюта 9 мая 1945 года, возвестившего об окончании Великой Отечественной войны. Фронтовики в текучке горячих мирных дел, повседневных забот стали понемногу забывать подробности боевых сражений, названия населенных пунктов, имена боевых друзей. Поэтому Марс Ашрапович Валидов, начальник отдела НИИ, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР, был приятно заинтригован, узнав, что какие-то мальчишки и девчонки разыскивают его: «Зачем я им понадобился?».

— Они сказали, что разыскивают бывших юнг,— уточнили домашние.

А спустя две недели М. А. Валидову пришло письмо. Крупным детским почерком в нем были выведены слова:

«Уважаемый Марс Ашрапович!

Мы, учащиеся 4 «В» класса Казанской средней школы № 94, узнали, что Вы учились в школе юнг Северного флота и принимали участие в Великой Отечественной войне. Наш пионерский отряд борется за право носить имя героя-юнги Саши Ковалева, тоже воспитанника этой школы. Мы просим Вас прийти к нам в школу для встречи».

Весь день на работе Марс Ашрапович был в приподнятом настроении, а через неделю, в названный школьниками день, поехал по указанному адресу. Не близок путь до школы из поселка Дербышки, где живет Валидов, есть время подумать о себе, о друзьях, которых он сейчас встретит. За окнами автобуса мелькали дома, с шумом проносились встречные машины, но Марс Ашрапович ничего этого не замечал, весь уйдя в себя и вновь переживая свою юность, бои, в которых довелось участвовать.

В школе его встретили пионерский салют у входа, рукопожатия, улыбки, возгласы однокашников:

— Ура! Нашего полку прибыло!

— Узнаешь?

— Сколько лет не виделись, а живем вроде в одном городе...

Похоже, не узнал ветеран никого, кроме Виля Байкина, неизменного участника художественной самодеятельности в школе юнг, заводилу, балагура. С остальными пришлось знакомиться заново, выискивая при этом у этих поседевших мужчин знакомые черты юности.

Торжественно и тепло прошла эта первая встреча ветеранов-юнг с пионерами. Это было накануне 30-летия Великой Победы. Марс Ашрапович слушал выступавших товарищей и радовался, что вновь обрел друзей. Теперь они будут чаще встречаться, ходить друг к другу в гости, вспоминать былое. Ветераны почти весь день были в школе. При прощании ему вручили букет алых гвоздик. Эти гвоздики, как сказали пионеры, награда от ребят за подвиг в Великой Отечественной войне.

Хорошо сделали ребята, организовав эту встречу. Кто же, кроме них, непосредственных участников Великой Отечественной войны, правдиво расскажет подрастающей смене о трудных годах битвы с фашистскими захватчиками, о своих друзьях-юнгах. Валидов почувствовал, что в его

жизнь вошло что-то хорошее: не только он нужен школе, но и она стала нужна ему. И мир будто стал шире, светлей от детских улыбок, от встречи с товарищами.

С той памятной встречи прошло уже столько лет. Марс Ашрапович уже не мыслит свою жизнь без этих любознательных ребят и бывших однокашников из школы юнг и с нетерпением ждет, когда они вновь соберутся в школьном музее боевой славы юнг или за городом. И становится такой день днем воспоминаний.

...Тогда, в далеком 1942 году, Марс Валидов считал себя уже взрослым, самостоятельным человеком: после окончания шести классов Казанской школы № 33 поступил в ремесленное училище, где получил специальность слесаря и почти год работал в одном из цехов моторостроительного завода. Как и сверстники, мечтал пятнадцатилетний мальчишка попасть на фронт. И когда узнал о наборе в школу юнг, без раздумий понес заявление в военкомат. Правда, перед этим ему пришлось выдержать бурную реакцию родителей.

Горький, Ярославль, Архангельск, Соломбала, где Валидов вместе с товарищами пережил воздушные тревоги, и, наконец, Соловецкие острова. Как и сверстники, прошел все, прежде чем ступил на стальную палубу военного корабля. У него оказались хорошие учителя и командиры. Среди них Марс Ашрапович особенно хорошо помнит командира роты мотористов лейтенанта Василия Степановича Лесова.

— Он был нашим первым боевым командиром, воспитателем, другом,— вспоминает Валидов.— Хочу подчеркнуть, что нам, пятнадцатилетним мальчишкам, вдали от родителей нужен был именно такой наставник — требовательный, строгий и добрый. В этом возрасте чертовски трудно самостоятельно вставать по утрам, быстро собираться ночью по тревоге, бежать в мороз с винтовкой в лес ловить диверсантов, стоять в полярные ночи на посту. Преодолеть эти трудности помогал наш командир. И, конечно, запомнился и мой непосредственный начальник, старшина 2-й статьи Шаповалов. Он пришел к нам с гвардейского эсминца «Гремящий», погибшего затем в бою с немецкой эскадрой. На груди старшины сверкало несколько боевых орденов и медалей, и каждое его слово для нас было законом. Он вел морское дело, и, наверное, поэтому мы быстрее других научились управлять шлюпкой в любых погодных условиях, полюбили море. Но самая большая радость ждала нас весной, когда на шлюпочной базе мы

увидели настоящие торпедные катера, присланные для прохождения юнгами практики. Это были наши первые боевые корабли, потому незабываемые. И сразу же полюбили их, облазили все уголки, с благоговением трогали торпедные аппараты, пушки, пулеметы. Каждый выход в море на катерах для нас был больше, чем праздником, после чего разговоров хватало до следующего выхода.

На торпедном катере и начал свою военную службу на флоте юнга Марс Валидов: сначала на Каспии, а потом в первой бригаде торпедных катеров Черноморского флота, базировавшейся в Поти. Юнги рвались в бой. Командир бригады капитан I ранга Филиппов берег их и не сразу допустил к участию в боевых операциях. Для начала отправил в менее опасную зону — район Батуми. Ребята там занимались восстановлением поврежденных кораблей, иногда выходили в дозор. Только спустя несколько месяцев юнга Марс Валидов и его друзья были переведены во вторую Новороссийскую бригаду катеров и стали участвовать в боевых заданиях: охраняли конвой, сопровождали крупные боевые корабли, несли дозорную службу.

— Но моя настоящая боевая работа началась весной 1944 года,— рассказывает Марс Ашрапович.— Я помню, как мы добирались ночами до Ялты, Севастополя и ждали, когда выйдут в рейс вражеские транспорты с военным грузом, войсками. Так, 16 апреля группа катеров под командованием лейтенанта Вакулина уничтожила быстроходную десантную баржу, шедшую под охраной трех сторожевых катеров. Через два дня экипаж катера младшего лейтенанта Зинченко потопил другую такую баржу.

А через несколько дней произошел настоящий бой. На рассвете в районе Севастополя отряд торпедных катеров капитана-лейтенанта Кудерского (на одном из катеров находился и юнга Валидов) обнаружил большой транспорт, следовавший под усиленной охраной сторожевых катеров. Обнаружив засаду, враг открыл из пушек и пулеметов огонь. Море вокруг закипело от разрывов. Но экипаж старшего лейтенанта Подымахина под отвлекающим маневром остальных кораблей группы прорвался к транспорту и выпустил сразу две торпеды. Два мощных взрыва известили, что торпеды поразили цель. Судно вскоре переломилось и затонуло. Мало кто из его пассажиров — гитлеровских солдат и офицеров — спасся. В этот момент экипаж катера старшего лейтенанта Пилипенко огнем реактивных снарядов (в то время отдельные катера в порядке эксперимента вооружались «катюшами») сумел

уничтожить сторожевик противника. Через неделю, 26 апреля, из Казачьей бухты Севастополя рано утром вышел крупный вражеский конвой, в составе которого было несколько транспортов и барж с войсками и боевой техникой. В 15 милях от мыса Херсонес конвой подстерегла группа наших торпедных катеров из второй бригады. Первой же атакой торпедой поразили транспорт, на нем возник пожар. Гитлеровцы в панике стали прыгать за борт. В этой схватке враг потерял еще несколько судов. Спустя день уже в пяти милях от мыса Херсонес звено капитана-лейтенанта Кудерского обнаружило конвой в охранении сторожевых катеров. Вахту у левого мотора катера нес юнга Марс Валидов. Услышав сигнал атаки, юнга весь подобрался, сосредоточился. Теперь от умелых действий молодого моториста зависел ход катера, а, следовательно, и живучесть корабля, жизнь экипажа.

— Полный вперед! — поступила команда.

— Есть полный! — четко ответил Валидов по рупору.

Сблизившись на дистанцию залпа, командир катера лейтенант Киреев скомандовал:

— Аппараты, залп!

Боцман юнга Шерстнев нажал на спусковой механизм. Корабль вздрогнул, торпеды пошли, вскоре известив мощными взрывами, что они нашли цель. Корабли охранения конвоя врага только теперь обнаружили советские катера и стали выпускать осветительные ракеты. Трассирующие снаряды, оставляя огненные следы, стали проноситься над нашими катерами. Наши артиллеристы ответили дружным огнем, заставили замолчать артрасчеты врага. Это дало возможность прорвать кольцо охраны и торпедировать еще один транспорт. Израсходовав боезапас, катера покинули место боя.

Вплоть до 9 мая — дня освобождения Севастополя — катерники топили вражеские суда. Результаты каждой операции тут же по возвращении на базу широко обсуждались на пирсе. В нем участвовали и офицеры, и матросы. Подводились итоги, разбирались ошибки, делались соответствующие выводы. Марс Ашрапович до сих пор помнит эти бурные вечера, когда до мельчайших подробностей уточнялись действия катерников, каждого экипажа, командиров. За успешные действия в ходе Крымской операции первой бригаде торпедных катеров было присвоено почетное звание Севастопольской. Впоследствии она была удостоена ордена Нахимова I степени. Вторая бригада, в составе которой находился и катер Валидова, ранее

получившая наименование Новороссийской, была награждена орденом Красного Знамени. Многие матросы, старшины и офицеры были удостоены государственных наград, а капитан-лейтенанты Кочнев, Котов, Кудерский, Першин и старшие лейтенанты Кананадзе, Рогачевский, Подымахин стали Героями Советского Союза.

Марс Валидов в составе второй Новороссийской Краснознаменной бригады торпедных катеров прошел путь до Констанцы, Варны, Бургаса. Конец войны застал его в Румынии. Не всем юнгам посчастливилось встретить долгожданный День Победы. Пали в бою мои друзья Николай Орлов, Владимир Макаров, Михаил Морозов и другие. Это им установлен обелиск у древних стен Соловецкого кремля, их имена высечены на граните. Словно они навечно вернулись в родные пенаты. А главная улица поселка Соловки названа в честь Саши Ковалева. Демобилизовавшись с флота, Марс Валидов в 1951 году окончил среднюю школу и поступил на физико-математический факультет Казанского университета. Через десять лет, работая уже в научно-исследовательском институте, защитил диссертацию, стал кандидатом технических наук. Последующие годы были насыщены интенсивными исследованиями, завершившимися очень нужным для народного хозяйства страны научным трудом. За эту работу Марсу Ашраповичу в 1969 году была присуждена Государственная премия СССР. М. А. Валидов — заслуженный изобретатель СССР. Заслуги его в мирном труде отмечены орденами «Знак Почета», Трудового Красного Знамени.

Год от года неумолимо редеют ряды бывших фронтовиков — время безжалостно. Тем острее у еще живущих сохранить и передать новым поколениям память о страшной войне для того, чтобы она никогда больше не повторилась. Недавно Марс Ашрапович получил письмо из Москвы от бывшего командира второй Новороссийской Краснознаменной бригады катеров контр-адмирала В. Проценко, Героя Советского Союза В. Пилипенко и других ветеранов Черноморского флота. «Чтобы выполнить девиз нашей мирной жизни «Никто не забыт, ничто не забыто»,— пишут они,— необходимо увековечить имена матросов, старшин, офицеров, рабочих и служащих, воевавших в составе соединений торпедных катеров Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны. Для этого надо составить анкету обо всем, что было сделано ими в грозные годы войны. Собранные материалы будут экспонироваться в музеях Геленджика, Новороссийска, Керчи, Фео-

досии, Севастополя, Очакова, Одессы, в Центральном музее Военно-Морского Флота в Ленинграде, а также в комнатах-музеях боевой славы соединений торпедных и ракетных катеров».

— И эту работу мы, оставшиеся в живых, должны сделать. Это наша святая обязанность. Жаль, что поздновато взялись,— говорит Марс Ашрапович.— Я уже заполнил целую тетрадь. Правда, многое забыто, для уточнения имен, фамилий, дат приходится изучать архивные и другие документы.

БУДЬТЕ МОЛОДЫМИ ДО КОНЦА

В. Леонов

Незаметно к нам подкралась осень,
Разбросала серебро наград.
Просто мы умом еще не очень
Принимаем жизни листопад.

Мы в пути не растеряли нежность.
Шли, дерзая, строя и любя.
Ну, а осень — это неизбежность,
В ней простая мудрость бытия.

Мы такие выси штурмовали,
Что нам старость просто ни к чему.
И не будем пребывать в печали,
Замечая свою седину.

О морщинках не жалейте,
Это гордость нашего лица.
Ради бога, сердцем не старейте,
Будьте молодыми до конца.

ОГНЕННЫЕ МИЛИ НИГМАТУЛЛИНА

В море нет дорог. Пройдет корабль, и его белопенный след вскоре исчезает. Как после боя, гибели кораблей, на месте трагедий буйствуют лишь волны. Море умеет хранить тайны.

Но следы все равно остаются — о морских походах и сражениях могут рассказать карты, куда моряки давно научились наносить каждый свой путь, и вахтенные журналы, где фиксируются даже малейшие события.

— Карты и журналы нужны будут историкам, а пока мы, участники Великой Отечественной войны, еще живы, помним каждую пройденную милю, будем сами рассказывать людям о минувших сражениях,— говорит бывший юнга Северного флота Мир Назибович Нигматуллин, служивший на эсминце «Разумный».— Если бы, например, нанести на карту путь нашего корабля, прошедшего около 70 тысяч миль и принимавшего участие в конвойных операциях по проводке более 340 судов с военным грузом для фронта, отразив при этом 63 атаки вражеских самолетов и сбив четыре из них, потопив две подводные лодки, один транспорт и несколько мелких судов врага, то она покрылась бы густой паутиной линий.

С Миром Нигматуллиным мы встретились в Ленинграде, где он сейчас живет, после долгой переписки. В первый же день он решил показать мне город, к вечеру мы вышли к Неве. Она бурлила, вздувалась волнами, сопротивлялась осенним ветрам, натиску моря, сердито билась о гранитные оковы.

— Не могу спокойно смотреть на Неву в эту пору,— говорил Мир, любуясь бушующей стихией.— Она мне напоминает Баренцево море. Будто я стою на палубе своего корабля!

— Наверно, скитания мне на роду были написаны,— продолжил он после паузы.— Наша семья в годы военной службы отца часто переезжала с места на место, жили мы в городах, селах, даже в кишлаках и только в 1933 году приехали в Казань. Да и родители мои неизвестно как встретились. Отец Назиб Назибович — уроженец села Юрт-Ахман Свердловской области, мать Бибиниса Фазулловна — из деревни Старые Юмралы Апастовского района Татарстана, где я несколько раз проводил летние каникулы. Отец воевал на Ленинградском фронте, мать работала на заводе, воспитывала малышей. Я учился в школе № 25, которую в 1941 году объединили с другой, присвоив номер 19 и имя В. Белинского. Однажды мать с тревогой сказала:

— Чувствую, что-то случилось с сестрой. Съездил бы, узнал, сынок, к ней.

До Старых Юмралов Мир добрался засветло. Постучал, никто дверь не открывает. Толкнул — она оказалась незапертой. Тетя была дома и, обхватив руками скучившихся вокруг нее четверых ребятишек, плакала. Значит, пришла «похоронка», догадался Мир.

— Я бы сама пошла на фронт, хотя бы санитаркой,— заговорила тетя.— Но куда вот девать детей?

— Я отомщу! — не сдержавшись от нахлынувшей злобы, сказал Мир.

В тот момент он еще не думал, как он будет выполнять свою клятву. Вернувшись домой, узнал, что на заводе, где работает мать, идет набор в школу юнг. Мир заявил, что тоже хочет ехать туда. Мать не стала возражать. Так Мир в июле 1942 года по комсомольской путевке оказался в числе питомцев школы юнг Северного флота на Соловецких островах. Окончив ее с отличием и получив специальность корабельного электрика, он попросился на Северный флот и осенью 1943 года оказался на эсминце «Разумный», который вместе с эсминцем «Разъяренный» и другим военным кораблем — лидером «Баку» совершил беспримерный переход с Тихого океана на Север.

Это был уже не мальчишка, как год назад, а крепыш-морячок, возмужавший, опаленный морозными ветрами, умеющий держать в руках оружие. Отсюда, с Ваенги (ныне Североморск), где стоял тогда «Разумный», и начались для шестнадцатилетнего юнги огненные морские мили — период жестоких испытаний на выдержку, мужество и воинское мастерство.

— Трудное было время,— не скрывает Мир Назибович,— приходилось целыми днями отражать налеты вражеских самолетов, сопровождать конвои, совершать налеты на базы противника. А враг был сильный, коварный, в Баренцевом море шныряли десятки подлодок, эсминцы, в портах Норвегии скрывались линкоры «Тирпиц», «Шарнхорст», тяжелые крейсеры «Кельн», «Хиппер». А рейд «карманного» линкора «Адмирал Шеер» по северным морям? Ты, конечно, читал о разгроме конвоя РО-17 в романе, написанном нашим юнгой Валентином Пикулем? А ведь потом были конвой РО-18, РО-19. Затем пошли ИВ и РА, жестокие схватки с немецкой авиацией, подводными лодками, пытавшимися уничтожить эти конвои.

Но под ударами Советской Армии уже рушился гитлеровский блок — в сентябре 1944 года вышла из войны Финляндия. Мы тогда готовились к Петсамо-Киркенесской операции. Наши корабли поддерживали наступающие части 14-й армии. Помню, ходили мы для обстрела вражеских портов, береговых батарей, и 15 октября это сражение было успешно завершено, освобождены Петсамо, Киркенес. В тот вечер мы вошли в Лиинахамари.

Командование Северного флота приступило к высадке

тактических десантов в тылы противника, чтобы не допустить эвакуации их войск, военной техники. Получили приказ и мы: нанести огневой удар по норвежскому порту Варде. Весь день мы принимали боеприпасы, продукты, проверяли технику. И ждали сигнала. И вот темное небо прорезал тревожный луч с сигнального поста, означающий «корабль к походу и бою изготовить!». Буквально через несколько секунд топот сотен матросских ботинок «разбудил» корабль. Люди заняли свои посты, заработали моторы, загудели турбины.

Через несколько часов мы уже подходили к исходной точке для удара. По боевому расписанию я должен быть у зенитного автомата. Выскакиваю на верхнюю палубу, отвинчиваю задрайки кранца, начинаю быстро набивать скользкие снаряды в алюминиевые обоймы, готовя их для подачи. Но на этот раз наш автомат молчит, стреляют только орудия главного калибра. Им предстоит выпустить по врагу по 50 тяжелых снарядов. Я смотрю в сторону лидера «Баку», где находится командир дивизиона, жду, когда появится сигнал к открытию огня. Вначале раздались залпы орудий «Баку» по заранее намеченным целям. После этого море озарилось вспышками выстрелов орудий других кораблей. При каждом залпе наш эсминец вздрагивает. Уже на берегу что-то загорелось. Видно, как наши снаряды поднимают в воздух комья земли. Последовали ответные выстрелы. Вдруг небо вспыхнуло неестественной вспышкой света. Это повис над нашими кораблями вражеский осветительный снаряд. Над нами со свистом проносятся тяжелые снаряды береговых батарей. Вот-вот накроют. Один взорвался метрах в двадцати от левого борта. Наш корабль делает резкий поворот и уходит в темноту, продолжая вести огонь. В этот момент на берегу огненным смерчем взметнулось пламя. С опозданием на несколько десятков секунд мы услышали звук мощного взрыва. Наверное, взлетел в воздух от прямого попадания склад боеприпасов или цистерны с горючим. Это был завершающий удар нашего огненного налета на вражеские позиции.

Рассветало. В любой момент могли появиться самолеты противника. Эскадра эсминцев повернула в сторону моря. Когда возвратились на базу, было почти светло. Заговорила корабельная радиостанция: передавали приказ Верховного Главнокомандующего. В числе других частей и нашему дивизиону во главе с контр-адмиралом В. Фокиным объявлялась благодарность за успешные боевые действия. По кораблю разносится дружное «Ура!» Прият-

но слышать, что труд моряков так высоко оценен. Только жаль, что не все моряки вернулись из похода: в бою пал мой товарищ машинист Иван Касаткин — он был подносчиком снарядов орудия главного калибра. Осколок вражеского снаряда сразил его насмерть.

Обстановка на наших северных коммуникациях быстро усложнялась. Наши конвои все чаще и чаще подвергаются атакам подводных лодок гитлеровцев. Мы уже все знаем заявление гитлеровского адмирала Деница: «Безразлично, где будет потоплено то или иное судно противника, важно, что его потопят и противнику придется заменить его новым». В эти дни, как акулы, рыскали в Баренцевом море его подводные лодки. В конце 1944 года напряжение достигло наивысшего накала: фашистское командование направило на наши коммуникации несколько соединений лодок. Своих подводников Дениц напутствовал тем, что с помощью нового, более мощного оружия они должны завоевать превосходство над противником. Мы тогда не имели понятия о новом оружии, но вскоре почувствовали его...

После того, как мы отконвоировали до Архангельска несколько транспортов, поступил новый приказ: наш дивизион эсминцев идет к Новой Земле, чтобы встретить линейный ледокольный флот, действовавший на северной трассе по проводке судов, идущих с Дальнего Востока. Ледоколы увидели в районе Карских ворот огромный двухтрубный «Сталин», однотрубные «Ф. Литке» и «Мурман», еще незнакомый нам «Северный ветер» с темно-голубым силуэтом, похожим на боевой корабль, и другие суда. Мы уверены в успехе операции — на этот раз кольцо кораблей охранения гораздо внушительней.

Вдруг услышали далекие цокающие разрывы, характерные для глубинных бомб. Это принялись за работу идущие следом за нами «Большие охотники» («БО») вместе с тральщиками типа «АМ» (акустическо-магнитного типа). Они загоняют в глубины подводные лодки врага. Конвой тем временем резко меняет курс, чтобы оторваться от гитлеровских акустиков. Но ненадолго: идущий впереди быстроходный «БО» передает, что замечен перископ подводной лодки, указал ее местонахождение зеленой ракетой, а затем и очередью трассирующих снарядов. Ближе всех к лодке находимся мы, и наш командир ведет корабль в атаку. Минеры во главе с Неверовым сбрасывают серию глубинных бомб. Взрывы взлохмачивают море. Получен новый сигнал с «охотника»: «Слышу

лодку». Мы разворачиваемся для повторной атаки. Снова серия глубинных бомб сотрясает все вокруг. След лодки потерян, и мы ложимся на прежний курс. Но через полчаса снова вспыхивает зеленая ракета, и «Разумный» устремляется в атаку. Так повторяется несколько раз. Обстановка напряжена. Ясно, что вражеские лодки настойчиво ищут подходящий момент для атаки.

Так весь день. Каждую попытку врага нанести удар по ледоколам срывают наши юркие «охотники», тральщики и эсминцы. К ночи начинается шторм, лодки перестали беспокоить. Но мы стоим на постах, ощетинившись стволами орудий, автоматов. По морю ходят огромные волны, полубак захлестывает водой. Объявляется готовность № 2, и я, замерзший, совершенно мокрый, с трудом добираюсь до тепла.

...Только на четвертые сутки конвой без потерь миновал горло Белого моря. Оно кое-где уже схвачено льдом. Мы идем почти до Северодвинска, а когда на горизонте показывается желанный берег, ледоколы дают прощальный салют, и мы ложимся на обратный курс. Для нас поход еще не завершен.

Как писали тогда в газетах, «не было проявлено в этой операции ни подвигов, ни особого геройства, но были в ней точный расчет, большой, очень нелегкий труд и постоянная готовность каждого моряка любой ценой, пусть даже собственной жизни, выполнить свой воинский долг перед Родиной». И я помню этот поход до мельчайших деталей. Тогда командир эсминца капитан III ранга Никольский говорил, что экипаж корабля действовал умело, отважно.

Для ликвидации угрозы усилившегося подводного флота врага, пытавшегося блокировать наши северные порты, командование эскадры сформировало специальную поисково-ударную группу, в которую вошел и «Разумный». И мы снова в Баренцевом море. Дуют холодные ветры, разгоняя ледяные волны. Кругом пусто. Но вот колокол громкого боя вызывает нас к орудиям: сигнальщики заметили невдалеке подозрительную цель. И сразу же раздаются выстрелы орудия, и над неизвестным предметом зависает осветительный снаряд. Все бинокли в сторону цели! А «цель» вдруг «фыркнула» сжатым воздухом, обволакиваясь фонтаном воды, и стала уходить в глубину. Подводная лодка! Тотчас из носового орудия летят в эту точку ныряющие снаряды, корабль развивает скорость и мчится к водовороту, под которым скрылась лодка. И по команде с мостика минеры сбрасывают целую серию бомб боль-

шой мощности. Проходят мгновения томительного ожидания, и в глубинах моря раздаются взрыв за взрывом. Корабль совершает циркуляцию, осматривает чуткими приборами район во всех направлениях. Сигнальщики заметили едва заметную струйку солярки. «Разумный» вновь рванулся туда, и разгоряченные минеры с яростью сталкивают в кипящее море одну за другой глубинные бомбы. Прошли минуты. На поверхность всплыли странные предметы: желтые комки стекловаты, разорванная резина, сгустки масла, тряпье, пузырьки воздуха... На прожекторном мостике вспыхивает луч, освещая вспененное море, и видно, как всплывают из глубин серая облицовочная пробка, деревянные детали внутренней изоляции лодки... Пират потоплен, сомнений нет. Мы спешим к другим кораблям, ведущим бой с другим подводным пиратом. И видим, что эсминец «Живущий» ведет беглый огонь по всплывающей лодке. От большой скорости светятся белые водяные «усы» у форштевня, и он врезается в борт вражеской лодки, которая вскоре исчезла под волнами. Так отправлена на дно еще одна подлодка врага.

Теперь уже эсминцы попарно, идя строем растянутого фронта, начали обследовать большую полосу моря. И вот уже виден остров Кильдин. Тут неожиданно мы подверглись атаке подводной лодки, но командир успел отвернуть в сторону, и сверлящая воду торпеда прошла вдоль борта. По едва просматриваемому следу торпеды командир повел корабль в атаку. Выстрел осветительным снарядом выявил темнеющую рубку вражеской лодки. Она, оказывается, атаковала нас в надводном положении, наверное, не надеясь на своих акустиков, к тому же было темно, думали, наверное, что мы их не обнаружим. Выпустив по нас еще одну торпеду, фрицы уходили в глубину. Через несколько минут мы были уже над местом исчезновения лодки, и посыпались в глубину бомбы. Багровое пламя вырывалось из глубин от их взрыва. От детонации, наверное, не сладко сейчас гитлеровцам... Мы мстили им за то, что незадолго перед этим был потоплен наш торговый транспорт «Пролетарий».

В ту ночь на пути к Кольскому заливу наша группа обнаружила еще четыре вражеские лодки, и атаковала их, загнала в глубины, заставив удалиться с нашего курса. При входе в Полярный «Разумный» произвел холостой выстрел из носового орудия. Это значило, что еще один вражеский пират нашел могилу в наших морях. Командир корабля капитан III ранга Никольский обошел все куб-

рики, поздравляя с успешным выполнением задания командования: «Пусть эта победа придаст вам силы для ускорения разгрома врага!» Вечером после праздничного ужина и веселого фильма, стоя в строю, я внимательно вслушивался в слова приказа командующего Северным флотом адмирала Головко: «...за потопление фашистской подводной лодки от имени Военного совета флота всему личному составу объявляю благодарность. Наиболее отличившихся представить к правительственным наградам. Желаю экипажу эсминца «Разумный» новых боевых успехов!» 1 ноября наши войска во взаимодействии с кораблями Северного флота полностью очистили от немецко-фашистских захватчиков Печенегскую область. На кораблях прошли митинги, нам вручили красочно исполненный текст благодарности Верховного Главнокомандующего. На большом листе были следующие слова: «Юнге Нигматуллину М. Н. Приказом Верховного Главнокомандующего от 1 ноября 1944 года за отличные боевые действия в боях за освобождение Печенегской области от немецко-фашистских захватчиков всему личному составу соединения, в том числе и вам, объявлена благодарность. Командир соединения контр-адмирал В. Фокин».

Новый, 1945-й год мы встречали в Ваенге. Приходили гости. Первым был Валя Бельский — мой сосед по койке в школе юнг, который теперь служил на лидере «Баку». Он радостно сообщил, что за последний поход его представили к награде. Мы с товарищами поздравили его. С эсминца «Разъяренный» прибежал старшина I статьи Ишков, весельчак и балагур, наглаженный, чисто побритый, словно вернулся из отпуска. С тральщика №117 «АМ» заявился Миша Карпий, и сразу с возгласом: «Ну вы и жмете!», жестикулируя руками, рассказал о том, как мы обогнали его тральщик. Саша Спирин потряс письмом и прочитал поздравление от старшины Ярового, который только что вернулся из Америки, совершив кругосветное путешествие!

Быстро наступает мерцающая долгая полярная ночь. Корабли готовятся к выходу в море. И снова перед глазами бесконечные ледяные валы Баренцева моря. Мы ведем конвой транспортов с военным грузом, два танкера в Белое море. Скоро мне идти вниз на вахту, я хочу взглянуть, какая там, наверху, погода. Надеваю надувной спасательный жилет, взбегаю по скоб-трапу наверх. На мачте бьется вымпел командира конвоя, едва заметен в мириадах брызг флаг. На темном горизонте яркие трассы «эр-

ликонов», а слева над морем повис осветительный снаряд. Я вваливаюсь в машинное отделение, пробегаю между двумя турбинами. Вот и мой генератор, он глухо урчит, деловито снабжая электроэнергией моторы управления рулями, гидропост, даже электроплитки камбуза. Проверив механизмы, думаю о том, что скоро море успокоится, а это грозит беспрерывными атаками подлодок, тревогами.

Поглядываю на приборы, привычно щупаю рукой подшипник генератора, не нагревается ли, но все в порядке. Вдруг слышу взрыв, сильный, незнакомый. Это не тот глухой взрыв торпеды, попавший в транспорт, а близкий, странный. Колокол громкого боя, беспрерывно треща, «выбрасывает» меня наверх. За считанные секунды добираюсь до своего боевого поста, кидаюсь к кранцам, к боезапасу. Но почему не стреляют орудия? Берега не видно. Вскоре передали, что в конце конвоя торпедирован «Шип» — английский эсминец, полученный по ленд-лизу, но командир «Деятельного», отводя удар от транспорта, успел подставить борт корабля торпеде. Как выяснилось потом, причиной гибели «Деятельного» была новая акустическая торпеда «Цаункениг», которую гитлеровцы начали применять на Севере против наших военных кораблей. Она была сконструирована таким образом, что реагировала только на шумы винтов при больших скоростях кораблей. Идя в атаку, эсминцы развивали предельную скорость, за которыми и устремлялась торпеда. Одна из вражеских лодок с «цаункенигами» и была потоплена морским охотником МО-103, которым командовал старший лейтенант А. Коленко. Удалось поднять ее и достать две целые торпеды. Так была раскрыта тайна нового оружия врага, после чего англичане придумали «Фоксеры» — буксируемые на длинном тросе акустические буи, имитирующие звуки работы машин и винтов боевых кораблей. Обманутые «цаункениги» сворачивали на громкий шум и вместо корабля взрывали приманку. У нас же для подавления акустического эффекта применялась малая глубинная бомба, которую сбрасывали через каждые две-три минуты. Она хорошо зарекомендовала себя.

Вечером в кубрике собрался весь экипаж, перед нами выступил новый замполит капитан III ранга Бондаренко, который призвал нас быть бдительными и готовыми к новым боям: предстояли задачи по проводке конвоев с военным грузом для наступающих войск в Норвегии.

...Идем вот уже целый день при отличной погоде. Сейчас конвой должен повернуть в темную расщелину за

полуостровом Рыбачий, а там уже едва заметная бухта Девкина Заводь. Яркое солнце четко вырисовывает на фоне моря большие транспортные суда и военные корабли сопровождения. Я стою у своего автомата, разглядываю горизонт, синее небо, откуда в любую минуту могут появиться вражеские самолеты. Вдруг сигнал: усилить наблюдение! И корабли перешли на противолодочный (зигзаг) ход, зенитчики готовы открыть огонь. Значит, обнаружены вражеские лодки. Мы идем мористее, а «Разъяренный» — ближе к берегу, в центре — грузовые суда. Вдруг «Разъяренный» ускоряет ход, и, развернувшись, кидается в сторону берега, темнеющего на горизонте. Так поступают при атаке на подлодку. Вскоре грохот сильного взрыва разорвал тишину: поврежден «Разъяренный». Но он ведет огонь. Ему на помощь бросился наш «Разумный». На большой скорости мы достигаем места, куда падают ныряющие снаряды «Разъяренного», сбрасываем серию глубинных бомб. Развернувшись, вновь проносимся над предполагаемым местом нахождения лодки и сбрасываем тяжелые бомбы. Минеры едва успевают зарядить огромные цилиндрические бочки — глубинные бомбы, им помогают комендоры артрасчетов. После третьего захода на вспененной воде расплывается радужное масляное пятно. Но что с «Разъяренным»? Видим, что к нему подошел тральщик АМ-117, взял на буксир. Снова «цаункениг»?

Теперь конвой потерял скорость, и мы медленно направляемся в Лиинамахари. Но враг не дремлет: объявляется воздушная тревога. А вот и они — дюжина бомбардировщиков появилась со стороны солнца. Трудно стрелять, но зенитчики кораблей открывают дружный заградительный огонь. Стоит такой треск, что не слышны команды, гул самолетов. Вот первые бомбы легли вокруг транспортов. Еще заход, но прицельного бомбометания у гитлеровцев не получается, а один из стервятников, не выходя из пике, врезается в воду недалеко от нас. И наконец: «Отбой воздушной тревоги!»

* * *

На корабле юнга Мир Нигматуллин прослужил семь долгих лет. А демобилизовавшись, поступил на Ленинградский адмиралтейский завод, строил корабли, проводил их испытания. Одновременно учился. Окончив электротехнический техникум, пришел в НИИ имени Менделеева, где вырос от рядового лаборанта до инженера рентгенов-

ской аппаратуры, руководителя одного из сложных участков. С годами «обрастал» и общественными обязанностями: лектор, секретарь местной секции ветеранов-юнг, член совета ветеранов-юнг Северного флота. Потому трудно застать его дома даже в выходные дни, он вечно пропадает в школах, профтехучилищах, рабочих коллективах, где выступает с воспоминаниями, ведет обширную переписку с бывшими юнгами из Архангельска, Москвы, Свердловска, Волгограда, Казани.

...Последний вечер нашей встречи мы долго сидели за столом, где были разложены документы, письма. Мир Назибович подолгу разглядывает старые, пожелтевшие фотографии, перебирает письма, затем наливает чай. Наконец, и чай выпит.

— Ну вот, будто снова побывал на своем родном корабле, среди боевых друзей,— грустно усмехнулся он.

На следующий день он провожал меня на вокзал. Дал обещание приехать в Казань, побывать в родной школе, съездить в Старые Юмралы. Свое слово он сдержал.

У МОНУМЕНТА ВЕЧНОЙ СЛАВЫ

На высоком волжском берегу
К монументу Вечной славы,
Приходят к вечному огню
Седые юнги-ветераны.

Приходят чинно, в орденах,
Чтоб вспомнить годы боевые,
Друзей погибших на флотах,
Когда все были молодые.

И возложив венок к огню,
Стоят минуту сжавши руки.
Смахнув нависшую слезу
Под марша траурного звуки.

ЗАЛПЫ ПОБЕДЫ

...Для тех, кто пережил ленинградскую блокаду, незабываем день 14 января сорок четвертого. Ранним утром город был разбужен необычайно сильным грохотом. Со звоном повылетали оставшиеся стекла окон. Встревоженные жители бросились в бомбоубежище. Но проходили

минуты, мощный гул все накатывался, набирал силу, хотя нигде не взрывались бомбы, снаряды. Первыми разобрались в происходящем вездесущие мальчишки, увидев орудийные залпы с кораблей.

— Ура! Бьют фашистов!

Действительно, это били по врагу орудия главного калибра крейсера «Киров», стоявшего на Неве, грохотал мощными залпами и линкор «Октябрьская революция», им вторили эсминцы, находящиеся в устье реки. Издали слышались выстрелы с линкора «Марат» и других кораблей, базировавшихся в Кронштадте. К мощному голосу Балтийского флота присоединились дальнобойные орудия береговых батарей, фортов, бронепоездов и сухопутных войск. По приказу командования они громили укрепления врага в районах Ропши, Красного Села, Большого Селиногора, Копорья, Глобицы, сметая препятствия на пути наших войск, готовящихся к наступлению.

По данным управления артиллерии флота, балтийцы на первом этапе наступления обстреляли 876 целей, израсходовав более 24 тысяч снарядов только крупного калибра, разрушили 33 долговременных огневых сооружения, 11 узлов сопротивления, уничтожили десятки орудий крупного калибра, подавили 500 раз огонь батарей гитлеровцев и вызвали 20 больших взрывов и 17 пожаров на позициях врага. Среди кораблей, которые в эти памятные дни вели интенсивный огонь по врагу, был и эсминец «Строгий», на котором служил наш земляк юнга Михаил Серебряков. Юный боцман по боевому расписанию бежал ко второму носовому орудию и становился расторопным зарядным. Снаряд за снарядом без устали посылали в сторону врага в тот день комендоры «Строгого». И каждый выстрел, слившись с грохотом орудийных залпов других кораблей, вызывал у Михаила и его товарищей чувство удовлетворения, твердую уверенность в победе. По десять-двенадцать часов не уходили они с боевого поста, громя врага. Об этих днях потом в своей книге командующий Балтийским флотом адмирал В. Трибуц напишет: «До штурма Кенигсберга я потом не наблюдал такого мощного огня и такой грандиозной концентрации артиллерии». По приказу командования фронта корабли вели огонь 15, 16 17 и 18 января. А 19 января войска 42-й армии освободили от захватчиков сильнейшие узлы сопротивления врага — Ропшу, Красное Село. На следующий день перестала существовать петергофская группировка немцев. Все эти дни Михаил и его товарищи по первому требованию открыва-

ли огонь. Даже в короткие часы сна, выдававшиеся в промежутке между артобстрелами, Михаилу казалось, что он ведет бой. Чтобы помешать врагу вести прицельный огонь, эсминец «Строгий», как и другие корабли, часто менял свою боевую позицию с помощью буксира. Благодаря этому гитлеровцы ни разу не смогли поразить его, хотя вели интенсивный ответный огонь.

— Особенно настойчиво пыталась прорваться к кораблям на Неве вражеская авиация,— вспоминает Михаил Федорович.— Поэтому нам было приказано стрелять по первому же появившемуся самолету. И мы открывали ураганный огонь. Но однажды над рекой появился наш неутомимый труженик У-2. Летит прямо на нас. На всякий случай взяли на прицел. Что делать? Стрелять или не стрелять? Самолет-то наш! А если там враг? Пока мы мучительно раздумывали, он уже вошел в зону нашего обстрела. Но приказ есть приказ, открыли огонь по нему и сбили. Самолет упал в воду и затонул. Тут мы испугались: не дай бог своего летчика похоронили в водах Невы! На следующее утро из штаба сообщили, к нашей безмерной радости, что это враг использовал захваченный им У-2 для разведки и корректировки огня своих батарей. За бдительность и меткость наводчику нашего орудия и пулеметчику вручили ордена Отечественной войны. Вскоре наши войска на широкой полосе прорвали оборону противника и погнали его на запад, освобождая села и города. На кораблях поначалу наступила оглушительная тишина. А затем начались боевые походы по уничтожению береговой обороны гитлеровцев, сопровождению конвоев, высаживанию десантов.

День Победы Михаил встретил там же, в Ленинграде, где его корабль стоял на ремонте. Матросы от радости палили в воздух ракетами, плясали.

— Эти дни на всю жизнь запомнятся мне,— говорит Михаил Федорович.

Прослужив еще пять лет, Серебряков вернулся домой и сразу же пошел на родной авиазавод, в тот же цех, где до войны работал мальчишкой. И все последующие годы трудился там, учился, окончил школу мастеров, награжден многими грамотами, а в 1974 году был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

— А теперь вот на пенсии,— улыбается Михаил Федорович, но наведываюсь в цех, где проработал более тридцати лет, где у меня много друзей.

— После войны бывали в Ленинграде?

— Не довелось,— признается он,— но теперь-то побываю обязательно. Говорят, на причале, где тогда наш «Строгий» вел огонь по противнику, сооружен обелиск. Хочется посмотреть. Значок прислали и удостоверение к нему, подписанное нашим командиром П. Павловским. Как не повидаться с ним и ребятами? Обязательно поеду.

Значок — эмалированный силуэт эсминца, надпись: «Ветерану эсминца «Строгий». Михаил Федорович бережно гладит пальцем значок, приговаривая:

— Ничего, поживем еще! Вон внуки и внучки появились, четверо уже. Как они без деда будут? Сын человек занятой — заместитель начальника цеха в авиационном объединении, дочь Валентина там же работает. Так что династия самолетостроителей складывается. Может, и внуки туда пойдут.

На авиазавод Серебряков поступил после окончания семи классов. Там закончил ФЗУ, сделался наладчиком. Радовался, что самостоятельным человеком стал, обновки сам себе покупает, да и родителям помогает. Но война перечеркнула все мечты. Особенно трудно пришлось заводчанам в первую военную зиму — начало поступать оборудование эвакуированного с запада страны завода. Отработав свою смену вместе с другом Николаем Усовым, Михаил уходил на разгрузку станков, помогал устанавливать их в цехах, потом занимался их наладкой. Свободного времени совсем не оставалось. И все же ребята находили «окно», чтобы время от времени наведываться в военкомат; уж очень хотелось на фронт, фрицев бить. И однажды им несказанно повезло: хмурый и сердитый от чрезмерной усталости военком хотел было привычно скомандовать им «Кру-у-гом марш! На выход!», но внезапно передумал и спросил:

— Комсомольцы?

— Не-е-т еще,— виновато пробормотали ребята.

— Что, плохо работаете?

— Хорошо работаем. Премию недавно получили,— осмелился Михаил.

— Тогда все в порядке, вас примут. Разве сейчас можно молодежи жить вне комсомола? Срочно подавайте заявления, тогда и поговорим...

— Есть, товарищ военком!

Дальше события развивались для ребят, как в сказке. На второй или третий день их прямо в цехе приняли в комсомол, выдали билеты. Когда они снова явились в воен-

комат, им велели заполнить анкеты и написать заявление с просьбой зачислить в школу юнг.

Но для Миши треволнения на этом не кончились: когда построили новобранцев, Михаил оказался в самом хвосте. Из-за малого роста. И хотя он изо всех сил вытягивался на носках, один из офицеров, глядя на него, сказал:

— Уж очень шуплый этот малец, может, оставим его пока?

— Пусть едет,— заступился за Мишу военком,— я отлично знаю его: упрям, как черт, хороший моряк из него получится!

Михаил оказался выносливей ребят, выделявшихся ростом. При переходе из Архангельска на Соловецкие острова пароход попал в сильный шторм, многие его сверстники, заболев морской болезнью, лежали пластом, а Миша в это время ходил на верхней палубе, выполняя задания командира.

— Нас морскому делу учил старшина I статьи Скурихин,— вспоминает Михаил Федорович,— который страстно любил греблю. Однажды из-за своего пристрастия выговор заработал. Как было дело? Вышли на тренировки на баркасе, и кому-то из наших захотелось на Заячьем острове побывать, яиц птичьих набрать. Мы поддержали его, стали уговаривать старшину: «Слетаем туда и обратно, долго ли?» И старшина, сам любивший удаль, сразу согласился. Вскоре наше шестнадцативесельное судно мягко врезалось в прибрежный песок островка. Мы весело высыпали на берег, поиграли с чайками, которые не боялись людей, садились на плечи, принимали с рук угощение. Потом набрали яиц и двинулись обратно по команде: «Весла на воду!» Дружно гребут юнги, а баркас ползет черепашьими шагами. Вскоре догадался старшина: отлив начался, вот течение и гасит скорость. Но нам ничего не сказал, знай, командует: «А ну, навались: раз-и, два-и!» Час идем, второй, а до базы еще далеко. Видим, к нам приближается шлюпка, а на ней начальник школы.

— Что, силенок маловато? Мы получили сигнал «SOS».

— Мы сигнала не давали! Сами дойдем! — закричали ребята.

— Следуйте за мной,— скомандовал капитан I ранга Авраамов.

На следующий день на доске объявлений появился приказ по школе, в котором старшине I статьи Скурихину и всем нам объявлялся выговор. Стоим и горюем, что из-за нас пострадал хороший человек.

— Может, пойдем начальнику школы объясним, что виноваты мы, а не старшина?

Тут кто-то крикнул возбужденно:

— Ребята, читайте, вот еще один приказ!

Перебивая друг друга, читаем: «Объявить благодарность старшине I статьи Скурихину и юнгам (все наши фамилии перечислены) за проявленные выдержку и мужество.»

— Ура! — закричали мы.— Вот какой был наш начальник школы!

После учебы юнга Михаил Серебряков в числе других 250 выпускников получил направление на Балтику. Чтобы попасть на действующий флот, они сначала ехали на поезде, а потом через Ладогу плыли на стареньком пароходе. Когда на рассвете добрались до города, они не думали, что там их встретит один из членов Военного совета Ленинградского фронта. Он поздравил ребят с прибытием в сражающийся город Ленина. Потом их повели на завтрак.

— Что это такое, ребята?! Баланда какая-то...

И хлеб был не такой, как в школе, где доброй прибавкой к пище служили ягоды, грибы, рыба. Разочарованно помешав ложкой жидкость, чуть откусив хлеб, все встали из-за стола. Но вскоре они устыдились своего поступка, поняв, что все эти блокадные годы ленинградцы именно так и питаются, голодают, но сражаются с врагом, работают на заводах и фабриках, снабжая фронт всем необходимым. Значит, юнгам нельзя забывать девиз школы «Не пищать!».

На другой день стали прибывать представители кораблей за пополнением. Громкий голос «Кто на эсминец «Строгий», выходи строиться!» — показался юнге Михаилу Серебрякову самым радостным, долгожданным.

Так началась боевая юность одного из десятков мальчишек Казани, кому посчастливилось быть юнгой нашего славного флота.

У СТАРОЙ ЗЕМЛЯНКИ

С. Ханчин

Не песнь есининской тальянки
Меня в дорогу позвала.
А Соловецкая землянка,
Где юность флотская прошла.
И этот лес — родной, сосновый,
С густою проседью берез,
Где через сорок лет снова

Стою блаженных полон слез.
Густой травы пушится зелень,
Докучна наглость комарья,
Здесь побывать я честью велен
Ушедший с этого дворья.
В морей простора огневые,
В работы мирной суету...
Мне чувства радости живые
Поют свершенную мечту.
Так, здравствуй, юности мгновенье,
Землянка, озеро в лесу.
Я этих дней благоговенье
В счастливом сердце унесу.

СЕВЕРНАЯ ОДИССЕЯ

Едва закончился документальный фильм о судьбе бывшего юнги, как тут же перед зрителями на сцене выросла фигура невысокого, коренастого мужчины, которого только что они видели на экране. Прозвучал усиленный динамиками голос:

— Свой подвиг Анатолий Негара совершил на Карском море!

Анатолий был самым юным в экипаже тральщика ТЩ-120. Ранее служил на другом таком же корабле, но заболел. После госпиталя его направили на этот. На новом месте встретили чуть ли не как бывалого моряка, так как за плечами было уже несколько выходов в море.

24 сентября 1944 года ТЩ-120, которым командовал капитан-лейтенант Дмитрий Лысов, получил новое задание: встретить у острова Диксон конвой в составе транспортных кораблей «Андреев», «Игарка» и «Моссовет» и сопровождать его до места назначения. ТЩ-120 занял место во главе конвоя. Благополучно добравшись до мыса Челюскин, суда уже не опасались появления вражеских подводных лодок. Днями раньше к мысу Челюскин подошел другой конвой, ВД-1, с востока, направлявшийся к Диксону. Тральщику предписывалось и его сопровождать. Правда, ночью 23 сентября немецкие субмарины попытались было атаковать транспорты, но были отогнаны кораблями охранения. На следующий день Диксон встречал долгожданные корабли с грузом. ТЩ-120 снова вышел в море, чтобы нести дозор на главном фарватере, хотя гидроакустические приборы корабля были неисправны. Это обстоятельство и послужило причиной того, что свое-

временно не были обнаружены подводные лодки противника.

В полдень на вахту заступил юнга-рулевой Анатолий Негара. Корабль вначале шел противолодочным зигзагом, потом командир приказал дать полный ход. Наблюдатели зорко следили за поверхностью моря, пытаясь среди неспокойных волн разглядеть что-нибудь. Начало моросить, потом пошел дождь со снегом, видимость ухудшилась. Вдруг мощный взрыв потряс корабль. Взрывом сорвало винты, румпель, в отсеки стала поступать вода, вышла из строя и рация. Тральщик беспомощно закачался на волнах.

— Пустить помпы, откачать воду! — приказал командир.

Сыграли аварийную тревогу. Трюмные машинисты, боцманы начали подводить пластырь на пробоину, им помогал Негара. Но вода прибывала и прибывала. Когда Анатолий поднялся на палубу, его громко окликнули:

— Негара, быстро на понтон!

Там уже сидели матросы, старшины, рядом отходил от корабля моторно-парусный катер, забитый матросами до отказа. И вдруг все сквозь снежный заряд увидели всплывающую подводную лодку. На аварийном ТЩ-120 не растерялись. «Заговорили» орудия. Один из снарядов разворотил боевую рубку лодки. В это время появилась вторая лодка и атаковала и без того терпевший бедствие тральщик торпедами. Корабль окутался огнем и дымом и вскоре скрылся под волнами.

Так героически погибли оставшиеся на нем члены экипажа вместе с командиром Д. А. Лысовым. Тем временем снежный заряд усилился, разъединив маленькие суденышки. Но высадившиеся на понтоне продолжали бороться, а их было два десятка, во главе со старшиной 1-й статьи Дороненко. Среди них и Анатолий Негара, который оказался и самым выносливым. Он чаще других садился за весла, вел наблюдение за морем и воздухом, подолгу, не разгибая спины, вычерпывал со дна понтона воду.

Первое время никто не ел, да и есть было нечего. Несколько буханок хлеба, что успели прихватить с ТЩ-120, размочило морской водой, и они пришли в негодность. Остался лишь мизерный неприкосновенный запас банок. Каждый получал дольку колбаски в сутки. Не было на понтоне и пресной воды. В какой-то степени спасали от жажды снежинки, которые собирали и поглощали моряки.

Почерневший и осунувшийся, Анатолий старался, как

мог, подбадривать старших товарищей, многие из которых были ранены. Холод, голод, морская болезнь и нечеловеческая борьба со стихией без сна и отдыха отнимали у моряков последние силы, но никто из них не роптал, все надеялись на лучший исход. На четвертые сутки понтон прибило к одному из островов в восточной части Карского моря. Этот и соседний с ним остров размером побольше оказались черными и безжизненными, отполированными ветром и волнами. Здесь и укрылись от ветра за валунами пострадавшие, согревая друг друга телами.

Таким образом прошел еще один день, но на следующий было решено, что пятеро самых «двужильных», в том числе Анатолий Негара, отправятся на понтоне в море за помощью.

Одно весло в море — плохой помощник, второго на понтоне не было — потеряли в шторм. Выход нашли неожиданно — на самой высокой точке острова оказалась громоздкая высокая жердь с крестовиной, которую сначала приняли за мачту. Радости не было предела. Но где возьмешь топор или пилу, чтобы срубить, спилить? Выход из положения нашли. Собрали на острове все «дары моря», способные гореть, и развели у подножия костер. Для паруса каждый отдал часть своего обмундирования: кто тельняшку, кто куртку. Распустили бросательный конец, сшили парус, укрепили его на понтоне, единственное весло приспособили под руль и пустились в путь. Глубокой ночью в кромешной тьме понтон уткнулся носом о песчаный берег полуострова Таймыр. Песок смягчил удар и спас моряков от гибели. Когда рассвело, нашли на берегу выброшенный волной плот и какие-то ящики. Развели огонь, обогрелись. Рядом с плотом в песке оказался мешок муки, и впервые после разлуки с ТЩ-120 поели горячего, сварив болтушку. Благо, с водой не было проблем: достаточно было наступить ногой на мох, как тут же ямка от отпечатка следа заполнялась водой. Так собрали бачок воды для приготовления еды. На девятые сутки странствий Анатолий Негара и еще один моряк отправились утром в разведку. Двигаясь вдоль берега, натолкнулись на полузатонувший баркас. На нем чудом сохранился компас. Теперь можно было уверенно двигаться на запад, в сторону острова Диксон. До этого в море они не ведали, в каком направлении их несло. Неожиданно вышли к наблюдательной вышке на мысе Михайлова, откуда вахтенный увидел их — полураздетых, грязных, обросших, обмороженных. Это было спасение. Вскоре тральщик под командованием капи-

тана-лейтенанта А. И. Иванникова (впоследствии он стал Героем Советского Союза) снял всех оставшихся на острове членов экипажа ТЩ-120.

Так победили верность традициям морской дружбы, железная дисциплина, высокая боевая выучка и физическая закалка. И неугасимая вера в жизнь!

Более сорока лет прошло с тех пор. Бывший юнга Анатолий Негара, вернувшись с флота с наградами домой в Харьков, поступил на тракторный завод, стал слесарем-сборщиком. Через его руки прошли почти все малогабаритные машины послевоенного выпуска, которые использовались и на полях Татарстана, где у ветерана Краснознаменного Северного флота Анатолия Александровича Негара много бывших боевых друзей, с которыми он не раз встречался после войны в Казани и так же, как и те, ныне делится своими воспоминаниями о пережитом на флоте на уроках мира и мужества в школах родного города.

«ДЕРЖИСЬ, БОЦМАН!»

По Кольскому заливу мчался быстроходный катер, на корме трепетал на ветру Военно-морской флаг. На палубе стоял крепкий пожилой мужчина. Он пристально всматривался в серые очертания скал, бухт, входные створы, вслушивался в крики чаек. Узнавал и не узнавал места, где в Великую Отечественную войну сражался с гитлеровскими захватчиками. И вот спустя годы приехал сюда по приглашению военных моряков.

Рослые, красивые, они встретили его радушно, сразу же повели в комнату боевой славы катерников-североморцев, затем водили по кораблям, показывая новую технику, знакомя с жизнью и боевой учебой моряков, вручили немало сувениров. Ветеран был рад, что приехал: какие люди, какие корабли! Не сравнить современное оружие с тем, с каким они воевали в те грозные годы с врагом!

Было еще светло, и он решил побродить по берегу, поселку. Дощатые улочки привели его к скромному обелиску, иссеченному солеными ветрами, снежными зарядами. На мраморной плите — имена погибших в схватках с гитлеровцами. Ветеран наклонился, чтобы лучше разглядеть буквы, и стал читать, увидев несколько знакомых фамилий. Среди дорогих ему имен он увидел и свою фамилию: «Генрих Таращук. 1926—1944 гг.». Как?! Значит, товарищи счи-

тали его погибшим. Впрочем, мудрено ли, если вспомнить, что было?

Сентябрьским вечером 1944 года экипажу торпедных катеров ТК-13, на котором служил юнга Генрих Таращук, и ТК-213 было поручено разведать район Коббхольм-фиорда, где были замечены дымы фашистских кораблей. Надо было срочно уточнить эти данные и передать по рации. Они ничего не обнаружили в указанном квадрате. Под утро был получен новый приказ: обследовать район Бек-фиорда.

Боцман Генрих Таращук только что заступил на вахту сигнальщика. Военным морякам хорошо известно, что боцман на малом корабле на все руки мастер — рулевой и сигнальщик, а по боевому расписанию — пулеметчик, на базе же он старшина команды, интендант. На торпедном катере боцман — второе лицо после командира.

Приближался рассвет и уже угадывались очертания вражеского берега — молчаливого, настороженного. Море же ласково покачивало катера, не донося никаких тревожных звуков. Генрих стоял более часа, внимательно всматриваясь вдаль сквозь окуляры бинокля.

Фашистские корабли он обнаружил совсем не там, где искал. На севере.

— Товарищ командир, слева вижу силуэты кораблей! — доложил Таращук, показывая рукой.

Расстояние до вражеских кораблей, число которых с каждой минутой увеличивалось, будто они выплывали со дна моря, было чуть больше сорока кабельтовых. Вскоре Генрих насчитал около двадцати судов, среди которых он различил танкер, пять транспортов и корабли охранения — сторожевики, тральщики, даже миноносец. Затем из-за горизонта возникла группа сторожевиков. Видимо, фашисты вывозили из Финляндии войска, оружие, имущество.

Как поступить? Ведь силы слишком неравны. Ждать подкрепления? Но когда еще оно придет?

В эфир пошли сигналы с сообщением о вражеском конвое. Командир ТК-213 принял отчаянное решение и ринулся в атаку. Враг открыл ураганный огонь. Катер вынужден был свернуть. Тогда командир катера решил поставить дымовую завесу и, прикрываясь ею, снова атаковать. Следом на врага устремился и ТК-13.

Генрих Таращук и его товарищи вели огонь из пулеметов и пушек. Вскоре в носовой части танкера, находившегося ближе всех, вспыхнул пожар, затем грянул взрыв. Громадное судно стало медленно погружаться в море.

— Ура! — возликовали на катерах.

Катера все ближе и ближе подходили к вражеским кораблям. Море кипело от взрывов снарядов. ТК-13 оказался почти в двух кабельтовых от вражеского миноносца. Командир катера скомандовал:

— Торпедная атака!

Но вторую торпеду вдруг заклинило. По приказу командира боцман Таращук кинулся к торпедному аппарату. Шли уже с большим креном на левый борт, стало трудно маневрировать. В этот момент катер оказался почти в окружении сторожевых кораблей. Во время очередного разворота в моторный отсек ударил снаряд. Второй снаряд разорвался на мостике, смертельно ранив командира катера Лихоманова. Истекая кровью, он позвал Таращука. «Свяжись по рации с базой,— были его последние слова.— Остаешься за меня... Держись, боцман!»

Едва радист успел передать: «Командир убит. Моторы вышли из строя. Личный состав погибает с катером...», как новый снаряд смертельно ранил маленький бесстрашный корабль. Осколки впились в бедро и плечо Таращука.

Фашисты прекратили стрельбу. Генрих понял, что они хотят взять их живыми в плен. Он приказал:

— Сокольников, поставить дымовую завесу!

Сам же, с трудом держась за поручни, стал пробираться к рубке, где находились подрывные патроны, чтобы взорвать корабль. Сокольников кинулся на корму, но не добежал, был сражен вражеской пулей. И тут боцман, охнув, стал оседать: пуля угодила в живот. Он медленно повалился на палубу и потерял сознание...

Торпедный катер стал тонуть. Вместе с ним и юнга Генрих Таращук. Помог спасательный жилет, который вытолкнул его на поверхность через некоторое время. Юнгу в бессознательном состоянии подняли на борт вражеского сторожевика. А там концлагеря, издевательства. Много раз пытали юнгу фашисты, но Генрих молчал, ничего не сказал о базах советских кораблей, личном составе флота, что вывело из терпения фашистских палачей. Они приговорили Таращука к смерти, но не к расстрелу или казни через повешение. Его привязали к дереву, собирались уже облить бензином и поджечь. Возможно, так и поступили бы, не выдержи у немца-конвоира нервы и не застрели он палача, готовившего костер для советского пленного.

Так Генрих остался жив. Спустя месяц в селение ворвались советские воины и освободили остальных узников.

Прошли годы, но не забыт подвиг Таращук. В 1966 го-

ду ему был вручен орден Отечественной войны I степени. Награда нашла героя в Уфе, где он сейчас живет и работает инженером-проектировщиком.

Потрясенный увиденным, Генрих Николаевич долго стоял у памятника, снова и снова перечитывая имена и фамилии павших воинов. И думая о том, что этого дня у него могло не быть!

НЕ РАССТАЛСЯ С ТЕЛЬНЯШКОЙ

Из рассказа бывшего юнги, ныне кинорежиссера Виталия Григорьевича Гузанова.

После окончания школы юнг Игорь Перетрухин служил со мной в одном дивизионе тральщиков Северного флота, а потом, в феврале 1944-го, был переведен в дивизион торпедных катеров. Там, на новом месте службы, из боцмана переквалифицировался в комендора двуствольной автоматической пушки на катере ТК-114, которым командовал старший лейтенант Шленский. Боцман там уже был — Леонид Светлаков, тоже наш однокашник. И третий наш однокашник — юнга входил в состав экипажа — моторист Николай Ткаченко. Все ребята к этому времени достигли возраста, позволявшего присвоить им звание «краснофлотец». Пора юности кончилась. С нас теперь спрашивали за службу полной мерой, как и со старых, бывалых моряков, но по привычке продолжали называть юнгами.

Раннее утро 15 сентября сорок четвертого года. Еще с вечера минувшего дня отряд торпедных катеров под командованием капитана III ранга В. Федорова находился в море. По данным нашей разведки, у норвежских берегов должны были проследовать вражеские корабли. И вот капитан I ранга Федоров услышал свои позывные.

— Вижу конвой в районе Сак-фиорда,— сообщал командир авиагруппы старший лейтенант А. Николаев.— Четыре крупные цели у берега. Чуть дальше — сторожевики, тральщики. Атакуйте! Поддержим!

Всего летчики обнаружили около двадцати кораблей и транспортов противника. Резко меняя курс и скорость, торпедные катера направились к цели. Корабли охранения противника, увидев наших, открыли огонь из скорострельных пушек.

— Николаев! — крикнул в микрофон Федоров.— Штурмуйте охранение!

Флагманский катер стремительно вырвался вперед и начал ставить дымовую завесу. Тотчас вражеские артиллеристы почти весь огонь перенесли на него. Следом за флагманом, умело маневрируя, оставляя белый шлейф за кормой, пошел и катер старшего лейтенанта Шленского вдоль линии гитлеровских кораблей. Ближе всех к 114-му оказался фашистский тральщик. На беглый огонь противника моряки ответили длинными очередями из пушек и пулеметов. Бил по врагу из своего автомата и Игорь Перетрухин. Он видел, как падали гитлеровцы, другие пытались укрыться от его огня. Он стрелял и стрелял.

Тем временем катера, которые первыми атаковали конвой торпедами, укрылись в дымовой завесе. Противник потерял их из виду. Наступила очередь идти в атаку и 114-му. Игорь Перетрухин, готовый открыть огонь, искал глазами, какую же цель выберет командир. Три транспорта, окутанные дымом и паром, уже погружались в морскую пучину. Четвертый, последний, самый большой по водоизмещению, спешил укрыться в фиорде. За его кормой, прикрывая транспорт, торопилась и самоходная баржа, откуда вели огонь из скорострельной пушки. Не упустить бы такую верную цель...

Лейтенант Евгений Успенский, дублер командира, уже рассчитал торпедный угольник. Резкий толчок. С шипящим звуком одна за другой торпеды вырвались из аппаратов. Крутой разворот — и 114-й уйдет за дымовую завесу.

Но гитлеровцы не дремали — нельзя было им отказать в меткости — насквозь прошили носовую часть катера. Вспыхнули язычки пламени. Запахло гарью.

Не ожидая приказания командира, боцман Леонид Светлаков схватил огнетушитель и кинулся на бак. Он даже не слышал, как над морем ухнули два мощных взрыва. Это торпеды ТК-114 достигли свои цели. Теперь уже вражескому транспорту не нужно будет разгружаться в своем порту!

Так катерники провели этот бой во взаимодействии с авиацией. Он увенчался полной победой. Четыре транспорта с военным снаряжением и продовольствием, направлявшиеся в помощь 20-й лапландской армии фашистов, нашли свой конец в студеных водах Баренцева моря.

На маневренной базе в Пумманах катерников ждали друзья и командование флота. За этот бой Перетрухин был награжден орденом Красной Звезды. Спустя месяц, в середине сентября, он принял участие в прорыве торпедных катеров в Лиинамахари. Торпедный катер в паре с

катером лейтенанта Литовченко ворвались во вражеский порт первыми.

В своих воспоминаниях вице-адмирал А. Кузьмин, бывший командир североморской бригады торпедных катеров, писал: «Чтобы обезопасить стоянку катера, дублер командира вместе с боцманом Светлаковым и матросами Яценко и Перетрухиным, захватив автоматы, гранаты, сошли на берег. Осмотрели находившиеся на пирсе амбары и организовали «первую линию обороны на случай прорыва гитлеровцев на пирс». Более часа моряки со 114-го обеспечивали высадку нашей морской пехоты. Только тогда, когда наши катера, высадив десант, начали отходить обратно, Евгений Успенский со своими подчиненными возвратился на борт корабля. За эту операцию Перетрухин был удостоен еще одной боевой награды — ордена Отечественной войны II степени.

* * *

Был тихий, ясный вечер. Море плескалось у бортов океанских судов, стоящих у причалов порта. Мы с Игорем Перетрухиным шли по пирсу, любовались морем. Игорь с чувством сказал:

— Рад нашей встрече! Двадцать восемь лет не виделись. Надо же быть такому случаю!

И в самом деле, наша встреча произошла неожиданно. Я приехал в командировку в Казань, где у меня не было никого из знакомых. На пресс-конференции, проводимой руководителем нашей делегации киноработников, ко мне подошел армейский офицер и представился:

— Майор Перетрухин. Слышу, знакомая фамилия...

Я малость растерялся.

— Вижу, брат, что ты позабыл школу юнг,— обнял меня за плечи майор и тут же тихонько напел куплет нашей соловецкой песни: «Мы, юнги флота, крепки, как бронь...» Эти слова прозвучали, как пароль. Теперь у меня не было никаких сомнений: Игорь Перетрухин!

Да, майор Перетрухин (теперь уже, наверное, полковник) продолжает службу в рядах Вооруженных Сил. Хоть и ходит мой друг в армейской форме, но не расстается с тельняшкой. Она — память о море, о боевой юности, о друзьях-товарищах, североморских катерниках.

ЭПИЛОГ

Всей своей жизнью казанские юнги подтверждают верность морской юности, боевому товариществу, традициям флота. В связи с этим я не могу не сослаться на размышления о живой связи времен («Советский воин», № 2 за 1987 год) бывшего юнги, известного писателя Валентина Пикуля, мысли которого созвучны мыслям и чувствам наших земляков, его однокашников. «Сегодня, пожилой уже человек,— пишет он,— я все отчетливее и яснее понимаю, как мне повезло. И мысленно благодарю судьбу, что жизнь моя сложилась именно так, а не иначе; что в юности я попал на флот; что флот принял меня, одел, обул, дал профессию и, главное, воспитал как солдата, гражданина и человека. Это самое счастливое время в моей жизни, может быть, даже больше, чем сейчас, я чувствовал тогда свою необходимость в этом мире. Я был нужен, и от меня многое зависело. Я давал курс кораблю, определял глубину, скорость хода. От моего гидрокомпаса зависела стрельба торпедных аппаратов и орудий. Ничего, что мне пятнадцать лет. Я стоял в общем строю и делал общее дело. И за это меня уважали. И вот это сознание нужности своей делало меня гордым и счастливым, несмотря на трудности. А ведь нам, мальчишкам, не было тогда легко и хорошо. Нам было зверски тяжело. Но я благодарен флоту даже за то, что было тяжело. Благодарен за привитую дисциплину, за истинно мужские качества, которые он сформировал в нас.

Я глубоко убежден, что каждый юноша должен пройти школу военной службы,— это крайне необходимо для последующей жизни.

Лично мне флот дал ту «закваску», которая помогает и теперь жить и работать. И когда мне в жизни бывает нелегко, я вспоминаю годы войны, проведенные на флоте, что тогда было еще тяжелее. И ничего — выжил, выдержал, и надо ломить дальше, до конца...

Нас было полторы тысячи юнг. И сегодня все с огромной благодарностью и теплым чувством вспоминают при встречах флот. Нашелся лишь один мерзавец — один из полутора тысяч! — который сказал: «Я проклинаю эти годы и эту службу».

В творческих и жизненных успехах бывших юнг опять же «виновата» военная служба. Она дисциплинировала нас, учила видеть цель и добиваться ее.

Характерная деталь: никто из моих товарищей не потерялся в жизни, не опустился, не спился. Все, как говаривали в старину, вышли в люди. Есть среди них адмиралы, известные ученые, артисты, рабочие: Коля Матохин — доктор технических наук, лауреат Государственной премии; Вадим Коробов — вице-адмирал; Василий Копытов — контр-адмирал; Виктор Бабасов — Герой Социалистического Труда; Борис Штоколов — известный певец; Виталий Гузанов — писатель...»

Читателям уже известны имена наших земляков, бывших юнг. К ним с гордостью присоединяю имена других воспитанников школы юнг Северного флота. Это Лев Казанский. Бывший рулевой, командир отделения рулевых. Работал слесарем, одновременно учился в вечерней школе. Окончил школу профдвижения. Стал мастером, заместителем начальника отдела крупного завода в Казани. Имеет награды. Вместе с ним на этом же заводе много лет трудился Лев Никифоров, бывший корабельный электрик. Начинал учеником-регулировщиком приборов в 1952 году. Стал мастером своего дела. Этой специальности не изменил до пенсии. В его трудовой книжке 18 благодарностей. Награжден медалью «За трудовое отличие».

Джавид Кутдусов — бывший торпедный электрик. Ныне он — профессор Казанского института культуры, заведующий кафедрой.

Анатолий Романов — бывший боцман. Начинал свою мирную жизнь фрезеровщиком и до пенсии проработал им. Пример, достойный подражания!

Так же надежно трудится Владимир Ваганов, бывший рулевой, а теперь мастер-шлифовщик Казанского вертолетного завода.

Герман Евсеев — начальник отдела большого завода.

Геннадий Игнатов — инженер.

Анатолий Гурьянов, бывший старшина 2 статьи, торпедный электрик. После войны геодезист, помощник оператора, начальник группы. Ханты-Мансийск, Урал, Казахстан, Дальний Восток — вот маршруты его трудового пути. Вышел на пенсию, но не усидел дома, ныне на заводе «Полимерфото» занят литьем термоплавких материалов...

Мог бы привести еще два десятка имен людей, ставших заслуженными, известными. Всех их объединяет великое трудолюбие, привязанность к своему коллективу, умение дружить. Как и на боевом корабле. Вот почему они почти все проработали на одном и том же месте до самой пенсии, продолжают трудиться.

Как утверждаю, все ветераны-юнги — это результат флотской выучки.

«А учили нас крепко,— продолжает эту же мысль В. Пикуль.— Жили мы на Соловках в землянках, нами самими вырытых и оборудованных. Комаров там уйма, спать нас заставляли нагишом. Утром, по холодку, построят всех в чем мать родила — и пробежка километров 5—6. Потом к озеру; первая четверка — в воду, вторая — в воду, третья — в воду и т. д. А по берегам старшины ходят и смотрят, чтобы никто к берегу не приближался. Умеешь плавать, не умеешь — барахтайся как можешь. Но деваться было некуда, и быстро научился. От стыда.

Или ходьба на шлюпках, в которой Авраамов был великолепным специалистом. Поставим паруса и идем. Шлюпка дает крен на левый борт, а он приказывает всей команде: «Ложись на левый борт». Ляжем и, почти касаясь ухом воды, идем дальше. Берег уже еле заметной кромкой обозначился. Вода в Белом море прозрачная, дно видно. Авраамов останавливает шлюпку и заставляет нас нырять и достать дно. А в доказательство мы должны были что-то принести с грунта. Это была прекрасная школа, которая делала из мальчишек мужчин.

А потом нас учила уже сама военная жизнь, флотская служба на кораблях. На эсминце «Грозный», куда меня распределили, встретил я людей замечательных, прекрасных специалистов...

Возвращаемся мы из похода, выстраиваемся на палубе. Запели горны. Командующий флотом А. Головко выслушивает рапорт, жмет руку командиру корабля, потом поворачивается и подает руку мичману Холину, который еще вчера был матросом-сверхсрочником.

Этот мичман в походе, во время атаки подводной лодки, когда надо было голыми руками, ногтями отодрать ото льда и сбросить глубинные бомбы, раньше всех выбежал, прямо босиком, и, пока отбой не сыграли, он так босиком и стоял на юте, и не просто стоял, а выполнял боевую задачу. Вот что такое был мичман Холин!

И, конечно же, такие люди своим поведением, своим мужеством и профессиональным умением оказывали на нас огромное влияние. Как и тот массовый героизм, которым была буквально пронизана атмосфера времени.

В конце войны, кажется, осенью 1944 года, мы шли всей бригадой миноносцев вдоль Кольского полуострова. Сильно штормило. Немецкая подводная лодка торпеди-

ровала М-08 «Достойный». Мы столпились в радиорубке и слушали, как радист «Достойного», оставаясь на вахте, открытым текстом передавал сообщение о состоянии корабля. Потом, когда генератор залило водой, перешел на аккумуляторное питание и опять вышел в эфир. Он не назвал ни своего имени, ни своей фамилии. Только крикнул напоследок: «Товарищи, прощайте!» А дальше только треск и шипение. Он так и погиб безвестным для нас вместе с кораблем.

Такие случаи имели, конечно, потрясающее воспитательное воздействие. Сегодня они производят на меня, в моем преклонном возрасте, еще более сильное впечатление, чем в юности. Тогда эта героика казалась в общем-то нормой жизни. А сейчас я думаю: ведь они могли спастись. Почему же они этого не сделали? Почему не ушли? Ведь молодые ребята погибли — им бы жить да еще жить. Видимо, было для них, как для их отцов и дедов, что-то более важное, чем жажда жизни».

На флоте юным морякам старшие прививали любовь к своему кораблю, к командиру, к товарищам. Фактически корабль был для моряков родным домом со всеми радостями и горестями. Но это был боевой дом! «Помню,— пишет В. Пикуль,— с какой гордостью вышагивал я по городу, ощущая за своей спиной развеваемые ветром ленточки бескозырки, на которых золотом было выведено гордое слово «Грозный». Я был переполнен гордостью. Мальчишка, я безмерно уважал себя и знал, что меня тоже уважают».

«Думая об армии, о ее роли в жизни народа,— продолжает писатель,— я вижу эту роль в основном назначении Вооруженных Сил — защите Родины, ее мирного, созидательного труда».

В этом видят роль Советской Армии и казанские ветераны-юнги, которые стараются почаще встречаться с ребятами из подшефной школы, организовать кружки, поездки. На одной из таких встреч они поделились планом создания в школе № 94 клуба юных моряков под эгидой морской школы ДОСААФ. Договорились с командованием Краснознаменного Северного флота о передаче Казани тральщика. Ребята мечтают о дальних походах по Волге, Каме, Белому морю. И, похоже, мечта их скоро воплотится в жизнь. Пожелаем им большой удачи!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юнги Северного флота (Вместо предисловия) 3
Мы юнги Северного флота 6
Имени Саши Ковалева 6
Мальчики 42-го 20
Слово о комиссаре 21
Подвиг 24
Морские охотники 25
О чем ты загрустил 38
Флотский характер 39
Карапет 45
Награда маршала 45
Школу окончили мы 51
Мой друг Володя 52
Наставник 58
Моряк всегда моряк 59
На открытии музея 64
«Даешь нашу матросскую!» 65
Памятник на острове 70
Были схватки боевые 70
Где же вы, товарищи-мальчишки? 77
«Нашего полку прибыло!» 77
Будьте молодыми до конца 83
Огненные мили Нигматуллина 83
У монумента вечной славы 93
Залпы победы 93
У старой землянки 98
Северная одиссея 99
«Держись, боцман!» 102
Не растался с тельняшкой 105
Эпилог 108

Массово-политическое издание

Байгильдин Шариф Халилович

ШЛИ ЮНГИ В БОЙ

ИБ № 5852

Редактор *Ф. С. Манасыпов.* Рецензент *С. С. Шахов.* Художник *И. К. Стоев.* Художественный редактор *Ш. К. Насыров.* Технический редактор *Н. Н. Зайнуллина.* Корректоры *Н. И. Максимова, В. П. Лащенова.* Сдано в набор 31.12.90. Подписано в печать 4.03.91. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 6,09. Уч.-изд. л. 6,41. Тираж 1000 экз. Заказ Л 587. Цена 75 коп. Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19. Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Государственного комитета Татарской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

75 коп.